

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Г. А. ЗОГРАФ

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ
СТРОЙ
НОВЫХ ИНДОАРИЙСКИХ
ЯЗЫКОВ

(ОПЫТ
СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

Ответственный редактор
B.M. БЕСКРОВНЫЙ

*Светлой памяти
Семёна Германовича
Рудина*

ОТ АВТОРА

Настоящая книга содержит описание наиболее общих закономерностей морфологического строя генетической группы живых языков, известных под названием новых индоарийских, или новоиндийских (индоевропейские языки Южной Азии и цыганский).

Названные языки представляют несомненный теоретический интерес ввиду их типологического своеобразия. В частности, новые индоарийские языки не вполне отвечают известным признакам, предложенным Н. С. Трубецким для языков индоевропейской семьи. Тем не менее в общелингвистических трудах они до сих пор привлекаются относительно мало. В этом свете обобщение присущих им структурных черт выглядит своевременным и полезным.

Такое обобщение немаловажно и в плане "внутренней" характеристики группы. Рядом с значительными достижениями сравнительно-исторического изучения индоарийских языков попытки их сопоставительно-типологического описания выглядят достаточно скромно, хотя элементы типологии мы находим уже у С. Келлогга, а затем у Дж. Грирсона и Х. Блока.

В данной работе в основу сопоставления кладутся не столько сами материальные единицы рассматриваемого уровня (морфемы), сколько обнаруживаемые ими системные отношения (грамматические категории). Из их анализа выводятся характерные общие закономерности, выявляются наиболее существенные отклонения, а в заключение предлагается морфологическая классификация языков, составляющих группу.

Практический смысл предпринятой работы заключается в том, что можно назвать "приведением к общему знаменателю" разнообразной информации, сообщаемой грамматиками новых индоарийских языков, значительная часть которых опирается на резко различающие-

370104-204 211-76
013(02)-76

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", М., 1976

ся методические принципы, что порождает немало расхождений как в изложении самого материала, так и, особенно, в его теоретической интерпретации. Насущную потребность в таком соотнесении и согласовании существующих представлений о морфологии конкретных языков и всей группы в целом автор остро ощутил уже более десяти лет тому назад в ходе работы над порученной ему типологической характеристикой названных языков для I тома издания "Языки Азии и Африки". Неоднозначностью предлагаемых решений в немалой мере и были обусловлены содержание и целевая направленность настоящей работы. Автор видел свою задачу не только в том, чтобы дать более или менее полную сводку важнейших частных фактов, но, главное, в том, чтобы организовать эти факты в некоторую целостную непротиворечивую систему и обосновать принципы ее построения. Поэтому категориальная интерпретация повсеместно опирается на анализ формально выражаемых противопоставлений, а в случаях, допускающих различные толкования, она предваряется освещением всей системы соответствующих форм.

Широта темы потребовала ограничить рамки работы анализом словоизменения, но и в этих рамках не все вопросы удалось осветить с равной полнотой. Лишь мимоходом затронуты явления пограничные, лежащие на стыке словоизменения и словообразования, морфологии и синтаксиса, такие, например, как залог или способ действия. Определенные корректиды в предложенную картину, вероятно, сможет внести специальное исследование и ряда других проблем, отмеченных ниже как недостаточно изученные. При всем том автор позволяет себе надеяться, что осуществленный им анализ будет в какой-то мере содействовать специалистам-индологам в выборе методов описания, наиболее отвечающих внутренней структуре изучаемых ими языков, и привлечет их внимание к вопросам, оставшимся не вполне ясными. В этом смысле не только подтверждение, но и опровержение предложенных интерпретаций окажется продуктивным.

Автор считает долгом выразить свою искреннюю признательность тем индологам, на чьи работы он опирался и чьими материалами нашел возможным воспользоваться, а также всем, кто так или иначе участвовал в обсуждении настоящей работы и своими советами и замечаниями способствовал ее совершенствованию. Особенно обязан автор покойному С. Г. Рудину, в общении с которым родились многие из изложенных ниже мыслей, Т. Я. Елизаренковой, Т. Е. Катениной, В. Б. Касевичу и Д. И. Эдельман.

В В Е Д Е Н И Е

1. СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ

§ I. Морфологический строй новых индоарийских (НИА) языков описывается ниже как результат их морфологического сопоставления.

Сопоставительный анализ родственных языков находит в последнее время все более широкое распространение в работах языковедов, но пока еще трудно говорить о единобразии представлений относительно этого метода исследований и, тем более, об устойчивости терминологии. Сам термин "сопоставление", "сопоставительный" в применении к грамматике понимается весьма различно. Вполне очевидно, что большинство пользующихся им авторов так или иначе противопоставляет его термину "сравнение", "сравнительный". Даже в тех случаях, когда оба термина употребляются параллельно, явным образом не противополагаясь друг другу (таково, в частности, их использование в выпусках "Сравнительно-сопоставительной грамматики романских языков", см. особенно: [ССГРЯ 1972, 3–4]), само введение дополнительного термина "сопоставительный" показывает, что сравнение здесь понимается в каком-то особенном смысле, обозначая метод, не идентичный традиционному сравнительно-историческому [ССГРЯ 1964, 8; ср. Катогошина, 267]. Наиболее обычное противопоставление названных терминов заключается в том, что "о сравнении говорят в рамках генетического метода, а о сопоставлении – в рамках типологического метода" [ОЯ МЛИ, 229]. Таким образом, сопоставление смыкается с одной стороны со сравнением, а с другой – с типологией, и иногда такой анализ называют сопоставительно-типологическим [СТОСГЯ, 3].

Характеристику некоторых существенных черт сопоставительной грамматики в ее соотношении со сравнительно-исторической и типологической грамматиками дал Э. А. Макаев. Сопоставительная грам-

матика родственных языков понимается им как своего рода "мост от сравнительной к типологической грамматике", задача ее сводится к установлению "сходений и расходений, наблюдавшихся среди различных языков или языковых ареалов соответствующей языковой семьи", а конечная цель – к выработке "исчерпывающей структурной характеристики" группы родственных языков, ее "структурной модели", а возможно – и "языка-эталона" данной группы, по отношению к которому "отдельные системы родственных языков представят как частичные реализации данного эталона" [Макаев, 4-7]¹. Собственно типологическую (или структурно-типологическую) грамматику от сопоставительной в этом контексте отделяет выход за пределы избранной генетической группы, т. е. привлечение к сопоставлению материала неродственных языков.

Итак, сопоставительный анализ языков и получаемую в результате этого анализа сопоставительную грамматику, очевидно, следует определять в их отношении к сравнительно-историческому и типологическому методам и соответствующим видам грамматик.

§ 2. Прежде всего нужно отметить то общее, в чем, согласно нашему пониманию, смыкаются сравнительная и сопоставительная грамматики: ограничение объекта исследования одними и теми же рамками – некоторой целостной совокупностью родственных языков (семьей, группой, подгруппой). Но и это сходство оказывается в значительной мере "внешним", поскольку сопоставление отправляется как раз от того пункта, который является одним из результатов исторического сравнения: приступая к грамматическому сопоставлению языков, мы должны располагать их готовой генетической классификацией. Под этим углом зрения сопоставление можно считать продолжением традиционного сравнения языков. Здесь, однако, наиболее явное сходство кончается, и далее начинаются существенные расхождения.

Сравнительная грамматика, возникшая на основе сравнения материальных элементов (морфем) различных языков, выработала строгую методику установления межязыковых соответствий (прежде всего фонетических), позволяющую, с одной стороны, обоснованно судить о родстве языков, а с другой – производить доказательные реконструкции исторически не засвидетельствованных языковых состояний. Но такая ориентация на морфему, взятую ли изолированно или же в составе слова, и на выявление фонетических

¹ Э. А. Макаев именует сопоставительную грамматику также "историко-сопоставительной" (см. § 3).

закономерностей, характеризующих отношения между языками или последовательными состояниями одного языка, отодвигает на второй план вопросы системного представления рассматриваемых единиц и организации языковых уровней. Это отразилось и в преемственно связанным со сравнительной грамматикой историческом описании у младограмматиков, когда последующие состояния языка рассматриваются сквозь призму исходного. Соответственно, историческое описание отдельных языков или группы в целом концентрирует внимание на тех фактах, которые могут быть так или иначе возведены к языку-основе. На этой базе происходит и выявление инноваций.

Однако далеко не всегда при этом обращается должное внимание на соотносительную роль старых и новых элементов в системе языка, что особенно заметно в тех случаях, когда инновации имеют структурный характер, т. е. язык в ходе своего развития претерпевает существенные изменения в строе – от флексивно-синтетического к аналитическому. Так, например, даже наиболее пропорциональная из сравнительно-исторических грамматик индоарийских языков – работа И. Блока, содержащая к тому же немало интересных наблюдений системного и типологического характера, уделяет современному НИА агглютинативному и аналитическому именному словоизменению неполных пять страниц, а "новым формам глагола", которыми выражено почти все современное спряжение, – девять [Bloch 1934, 179-183, 287-295]. Еще более разительный пример является историческое описание бундели, автор которого (М. Джайсвал) вообще не ставит задачи функциональной характеристики аналитических глагольных форм, объясняя это следующим образом: "Эти временные формы образуются из причастий и различных спрягаемых форм вспомогательных глаголов. Поэтому, после того как все вспомогательные глаголы и причастия были рассмотрены на предшествующих страницах, нетрудно особо говорить о составных временных формах" [Jaiswal, 151; ср.: Зограф 1966, 205].

Такое "атомистическое" представление языковых фактов вполне способно побудить к поискам другого пути сравнения – сопоставления. Актуальность такого поиска прежде всего ощущается для тех языковых групп, исходное состояние которых может быть отождествлено (или соотнесено) с некоторым дошедшими до нас языком, а последующее развитие более или менее отражено в письменных памятниках. Подобно романским, индоарийским (ИА) языкам представляют группу именно такого рода: развитие их от древнеиндоарийского (ДИА) состояния (ведический и санскрит) прослеживается в целом достаточно полно через среднеиндоарийское (СИА) состояние (пра-

криты и апабхраш) к новоиндоарабскому [Beames; Bhandarkar; Hoernle; Bloch 1934; Bloch 1965]. И подобно тому как в романistique с течением времени обострялась критика чисто генетической линии исследования [ССГРЯ 1964, 3–5], в ИА языкоznании все более ощущается необходимость в применении наряду со сравнительно-историческим, господствовавшим вплоть до конца 50-х годов нашего века, других методов исследования.

Сравнительно-историческая грамматика Ж. Блока явила собой существенный шаг вперед по сравнению с грамматиками Дж. Бимза, Р. Бхандаркара и Р. Хёрнле не только потому, что автор ее располагал значительно более богатым языковым материалом, почерпнутым из законченного к тому времени "Описания языков Индии" [IsI] и многочисленных полевых работ по бесписьменным языкам и диалектам северо-западной части региона, но и вследствие более четкой организации этого материала, позволившей показать системный характер ряда исторических изменений.

Менее виден подобный прогресс в традиции исторического описания отдельных ИА языков. За первыми опытами этимологического объяснения морфологических показателей синдхи [Тгиллр] и хинди [Kellogg], имевшими характер исторических отступлений в синхронных по существу описаниях, последовали исторические грамматики маратхи Ж. Блока [Bloch 1920] и бенгальского С. К. Чаттерджи [Chatterji 1926], послужившие крупными вехами в истории ИА языкоznания. В этих трудах с исключительной полнотой прослежено трехтысячелетнее (начиная с ДИА состояния) фонетическое и морфологическое развитие двух крупнейших литературных языков, соответственно, Западной и Восточной Индии, причем последний – НИА – период (после 1000 г.) описан на основе важнейших доступных в то время старых письменных памятников и с привлечением богатого сравнительного материала родственных языков. Став классическими образцами исторических грамматик НИА языков, они повлекли за собой целую серию работ такого же рода [Dh. Varma; Saksena 1937; Kakati; Katre; S. Jha; Tiwari 1960; Jaismal].

§ 3. Отличия сопоставительной грамматики от сравнительной кроются в самой целевой установке исследования. Сравнительно-историческая грамматика имеет целью восстановить для группы языков генетически исходное состояние, доказав таким путем их родство, и, отправляясь от этого состояния, построить относительную хронологию, позволяющую выделять в отдельных языках или их совокупностях архаизмы и инновации. Сопоставительная грамматика ставит своей целью дать структурную характеристику группы на основе

выявления структурных черт, общих для всех ее членов, и определить на этом фоне структурное своеобразие каждого отдельного члена группы. При этом в центре внимания исследователя лежат не генетические истоки рассматриваемых явлений, а их место и роль в анализируемой системе языка (языков).

Различием задач диктуется различное отношение к объекту исследования, проявляющееся в выборе основных операционных единиц. Сравнительно-историческая грамматика оперирует исходными материальными единицами исследуемых уровней – фонемами и морфемами, строя свои выводы на основе их последовательного сравнения. Для сопоставительной грамматики, имеющей целью выявление присущих группе структурных закономерностей, более удобными операционными элементами оказываются не сами материальные единицы, а их внутрисистемные отношения, что позволяет представить конечный результат в обобщенном виде – как некий тип системы (или иерархию определенных типов подсистем).

На морфологическом уровне (принимаемом в настоящей работе в узком смысле – только как 'словоизменение; см. § 8 сл.) такими обобщенными единицами могут служить грамматические категории, поскольку именно в них отражены отношения между конститутивными материальными единицами данного уровня – словоизменительными морфемами, причем отношения не случайные, а выстраивавшиеся в последовательную систему [ср. СТОСГЯ, 22–33].

Разумеется, грамматические категории не должны и не могут совершенно отрываться от материальных средств их выражения. Прежде всего сами такие категории (их наличие или отсутствие в том или ином языке) выявляются в результате анализа противопоставлений материально различающихся словоформ.

Кроме того, характеристика категорий может быть расчленена на ряд последовательных ступеней, различающихся степенью детализации и конкретизации. Первый и наиболее отвлеченной ступенью анализа явится сопоставление и н в е н т а р е й грамматических категорий, присущих отдельным рассматриваемым языкам. Вторую ступень представит анализ наполнения категорий, под каковым мы понимаем состав формирующих каждую данную категорию частных грамматических значений, или граммем. На третьей ступени можно обратиться к рассмотрению способов формального выражения выявленных категориальных значений, т.е. граммем, оценивая их как в качественном (флексивный, агглютинативный, аналитический), так и в количественном отношении (по степени регулярности формальной мани-

стации соответствующих противопоставлений; по распространению формальной омонимии² и, наконец, чисто статистически) [ср. Ярова 1966, 14–16]. Четвертой ступенью может служить постановление конкретных материальных реалиаций функционально соразмерных формантов (морфем).

Этот путь анализа и представления материала по существу своего содержания сходен с предлагаемым М. М. Гуман перечнем этапов морфологического анализа по грамматическим категориям ТОСГИ, 33]. Возможности дальнейшего расширения и углубления этого анализа в семантическом плане открывает схема его этапов, едложенная Е. И. Шендельс: после б) выявления "параллгматического и синтагматических значений каждой категориальной формы, разложение на семы каждого значения, г) сопоставление семых значений и разных форм и установление их сближений и расхождений" [там же, 52]. Однако при предпринимаемом нами первичном осмыслиении системных соответствий в сравнительно обширной группе неравномерно изученных и не всегда с необходимой полнотой исследованных языков и диалектов, какими представляют НИА, заведомое ограничение рамок анализа преимущественно формальными его аспектами представляется неизбежным и оправданным.

Существенно отличает сопоставительную грамматику от сравнительно-исторической и процедура исследования, выражаясь в выборе основных путей сравнения и сопоставления. Историческое значение (с того момента, как определено генеалогическое древо языка или группы) должно вестись строго по линиям генетических связей. Сравнивая конкретные явления в двух или более родственных языках, мы должны проследить их до ближайшего общего состояния. Схематически это можно пояснить следующим образом:

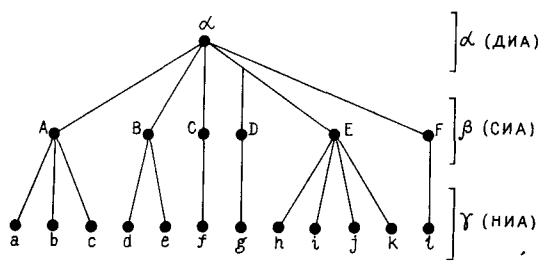

Схема 1

Схема I представляет собой упрощенное воспроизведение генеалогического древа ИА языков (по классификации С. К. Чаттерджи [Chatterji 1926, 6]). Здесь выделяются три основных хронологических состояния:

ДИА, представленное ведическим языком (и санскритом) и условно принимаемое как общеиндийское (на схеме обозначено α);

СИА, представленное пракритами и апабхрантами (обозначены латинскими прописными буквами);

НИА, представленное в конечном итоге современными ИА языками (обозначены латинскими строчными).

Историческое сравнение явлений языков " α " и " γ " должно идти по линии " $\alpha - \text{A} - \gamma$ ", языков " α " и " β " — по линии " $\alpha - \text{A} - \alpha - \text{C} - \beta$ " и т. п. Отклонение результата от общих закономерностей, свойственных данной линии, будет свидетельствовать (отвлекаясь от допустимых в принципе случаев Неполноты и неточности информации или ошибок в принятой классификации) об отклонениях в спонтанном дивергентном развитии рассматриваемых языков и заставит искать внешние причины таких отклонений.

При сопоставлении этих явлений названное ограничение снимается, т.е. мы оказываемся вправе сопоставлять явления языков " α ", " γ ", " β " и т. д. непосредственно между собой. Здесь, однако, налагаются свои ограничения. Можно сказать, что процедура сопоставления в принципе линейна. Если мы желаем получить удовлетворительную характеристику группы в некотором ее состоянии, члены ее, привлекаемые к сопоставлению, должны быть линейно расположены в "едином" времени, т. е. взяты синхронно. Практически синхрония не должна, конечно, пониматься как абсолютное совмещение рассматриваемых языковых фактов в одном моменте. Речь идет об относительной их хронологической совместности, причем допустимые временные рамки будут тем более широки, чем стабильнее оказываются исследуемые явления, но всякий раз встает задача установить для них известный предел.

Так, для сопоставления морфологических структур исследуемых нами языков весь НИА период, охватывающий около тысячи лет, окажется слишком широк, потому что на его протяжении эти языки претерпели в морфологии существенные системные сдвиги. Но их современное морфологическое состояние, фиксируемое в течение последних 100–150 лет, мы вправе рассматривать в основных чертах как синхронное, и именно оно служит объектом исследования в настоящей работе.

² Ср. понятие "расстояния" между граммемами [Ревзин, 169 сл.].

Другим путем сопоставления может быть восходящая (или нисходящая) генетическая линия. В этом случае сопоставлению подвергнутся характеристики грамматического строя, отражающие ряд последовательных состояний одного языка (или языков, между которыми усматривается генетическая преемственность), т. е. диахроническая цепочка структурных срезов. Оптимальное число таких срезов будет зависеть как от темпов структурных преобразований в данном языке, так и от доступного наблюдения исторического материала. Например, для обладающих длительной письменной традицией ИА языков, таких как маратхи, хинди и бенгальский, целесообразно выделение помимо основных хронологических состояний, показанных в приведенной выше схеме, еще и промежуточных. Линии сопоставления будут здесь иметь вид: $\alpha - A - a$, $\alpha - C - \tau$, $\alpha - E - j$, $\alpha - F - l$ и т.п., а развернуто $\alpha_1 - \alpha_2 - A_1 - A_2 - a_1 - a_2 - a_3$, что можно реализовать путем отображения раннего и позднего ДИА, раннего и позднего СИА и, наконец, раннего, среднего и современного НИА состояний. В результате мы получим историю грамматической структуры языка "а" (или "т", "ј", "l"), прослеженную через его генетических предшественников. От исторической грамматики младограмматического типа ее будет отличать акцентуация внимания не столько на преобразованиях материальных единиц языка, сколько на перестройке тех системных отношений, в которые укладываются такие единицы.

Такую грамматику можно было бы назвать историко-сопоставительной, если бы этот термин не было предпочтительно сохранить для трудов более широкого жанра, защищавших и обобщавших структурное описание генетической группы обоих направлениях – синхронном и диахроническом. Историко-сопоставительной грамматикой генетической группы языков мы назовем тот сопоставления ряда синхронных сопоставительных грамматик, трактующих последовательные ступени структурного развития группы в целом (т. е., если вернуться к схеме I, объектом вторичного – диахронического – сопоставления здесь являются результаты первичных – синхронных – сопоставлений по хронологическим срезам: $\alpha - \beta - \gamma$ или, полнее, $\alpha_1 - \alpha_2 - \beta_1 - \beta_2 - \gamma_1 - \gamma_2 - \gamma_3$).

Отсюда следует, что историзм не является органической чертой сопоставительной грамматики. Первично, в синхронном своем прецелении, сопоставительная грамматика может полностью отвлекаться от исторического соотнесения описываемых фактов, подобно тому как это делается при сопоставлении неродственных языков. Разумеется, это не означает, что при сопоставлении родственных языков

необходимо совершенно исключать данные их истории. Напротив, эти данные могут оказаться очень полезны, но здесь они будут выполнять вспомогательную функцию – контролирующую и объяснительную, но не организующую. В этом смысле наше понимание сопоставительной грамматики отличается от предложенного Э. А. Макаевым, который называет ее, без каких-либо оговорок, также и историко-сопоставительной. Историческое сопоставление принимается нами как самостоятельный этап анализа, без которого, кстати, невозможно определить перспективу структурного развития исследуемой группы [ср. Макаев, 5]. Можно различать два его вида: частное историческое сопоставление – систем и структур, проявляющихся на различных хронологических срезах в истории одного языка, и общее – всей группы в целом.

§ 4. Менее четки границы между сопоставительной и типологической грамматиками. Э. А. Макаев в качестве различающего их признака предлагает использовать наличие или отсутствие структурного соотнесения исследуемого материала с материалом языков, лежащих вне рассматриваемой группы [Макаев, 7]. Такое деление не предполагает каких-либо принципиальных методических отличий одного вида грамматики от другого. В этом свете мы не видим противоречий тому, чтобы рассматривать сопоставление в качестве "внутренней" типологии генетической группы языков, имеющей целью выявление присущего группе общего структурного типа. Этот структурный тип может служить, с одной стороны, объектом дальнейших, более широких, типологических сопоставлений, а с другой – тем фоном, на котором проявляются структурные особенности отдельных языков, составляющих группу, – их частные структурные типы. Ограниченный выход во "внешнюю" типологию, в частности привлечение ареального материала, несомненно, повысит объяснительную силу сопоставительной характеристики, позволяя мотивировать истоки некоторых наблюдавшихся структурных преобразований и расхождений, но не внесет сколько-нибудь существенных изменений в сам ход анализа, т. е. практически не коснется специфики жанра исследования.

Таким образом, намечавшиеся отличия сопоставительной грамматики от типологической являются ограничительными. Они и происходят из ограничения круга языков – объектов исследования – четкими рамками, генетическими и хронологическими. Прежде всего, сопоставительная грамматика по преимуществу эмпирична; индуктивные допущения здесь практически могут быть проверены путем сплошного

перебора по языкам. Вместе с тем она должна стремиться оперировать значительными участками системы, устанавливая взаимосвязь между ними, поскольку лишь этим путем можно с достаточной полнотой выявить структурные схождения и расхождения языков группы. Эт достигнутых ею результатов будет в большой мере зависеть выбор констант для дальнейших типологических сопоставлений.

§ 5. Следует отметить, что сопоставительная грамматика родственных языков ни по целям, ни по технике не идентична получившим в последнее время широкое распространение попарным сопоставлениям различных языков, генетическое соотношение которых ирrelevantно. Такие работы, нередко носящие то же наименование – сопоставительных грамматик, – по существу являются грамматиками противопоставительными, что отчетливее выражено в заимствованном определении этого жанра – "контрастивное описание" (*contrastive analysis*).

Они имеют "не столько собственно лингвистическое, сколько прикладное значение, связанное с теорией обучения иностранному языку" [Ю. МИ, 238; ср. Spolsky, 743]. Направленные на поиск наиболее удачной методики преподавания одного конкретного языка юсителям другого конкретного языка, они должны не только выявлять структурные соответствия и различия в этих языках, но и регистрировать с возможной полнотой все частные расхождения, существенные с психолингвистической точки зрения и способные вызвать затруднения при обучении. Поэтому степень детализации в освещении материала, требуемая для "контрастивного описания", значительно превосходит необходимую для сопоставительной грамматики однественных языков. Если в "контрастивном описании" на первый план выдвигается полнота, практически выливавшаяся не только в представление полных инвентарей формальных показателей, но и в перечисление всех свойственных каждому такому показателю функций, то для сопоставительной грамматики проблемой, напротив, оказывается отбор явлений, существенных для структурной характеристики группы и ее членов.

§ 6. Из изложенного следует, что сопоставление, в нашем понимании, – это технический термин, принятый для обозначения той области сравнения родственных языков, которая оперирует понятиями системы и структуры. Конститутивные единицы уровней языка принимаются здесь как элементы единой системы, складывающиеся в упорядоченные структуры. Одной из существенных задач сопоставления оказывается при этом выяснение взаимодействия отдельных участков выстраиваемой системы.

Сопоставительная грамматика является продолжением сравнительной грамматики и составной частью типологической грамматики. Отношение ее к первой мы характеризуем как примыкание, а ко второй – как включение. Правомерность ее существования как самостоятельного метода лингвистического исследования оправдывается открываемыми ею возможностями изучения путей развития грамматического строя языков на конкретном материале генетических групп. Сравнительно-исторический метод вскрывает закономерности развития элементов системы. Сопоставительный метод на своем конечном этапе – историческом (ср. § 3) – способен показать закономерности развития оттенений в системе, т. е. эволюцию языковой структуры. Таким образом, синхронные сопоставительные грамматики типа предлагаемой ниже должны рассматриваться не только как материал для более широких типологических обобщений, но и как необходимые шаги на пути создания историко-сопоставительного описания генетической группы, раскрывающего закономерности грамматического развития входящих в нее языков.

Сопоставительное описание предусматривает вполне четкое разграничение синхронии и диахронии, но оба эти аспекта не изолируются друг от друга, а принимаются в их взаимосвязи: факты диахронии учитываются в тех случаях, когда они помогают объяснению механизма синхронного построения системы, и, напротив, синхронная организация материала позволяет иногда мотивировать выбор интерпретации диахронических процессов.

В свете сказанного условное отвлечение от генетической (этимологической) соотнесенности материальных единиц при синхронном (или диахроническом) сопоставлении родственных языков служит рабочим приемом, позволяющим сконцентрировать внимание на функциональном соотношении таких единиц.

Заслуживает внимания и более общий вопрос – о степени сопозмеримости описаний языков, привлекаемых к сопоставлению. Известно, что один и тот же язык может быть описан различными способами, причем в зависимости от исходных методических принципов результаты таких описаний, особенно в части категориального истолкования фактов, могут существенно расходиться между собой [ср. Базелл, 15 сл.]. Допуская относительную адекватность различных типов описаний, мы в то же время должны признать неприемлемость их использования в качестве непосредственной основы сопоставительного анализа без последовательной и целенаправленной предварительной переработки.

Поэтому одним из важнейших практических результатов грамматического сопоставления родственных языков может явиться разработка методики их описания, исходя из внутренних особенностей их строя, а не из какой-то привнесенной извне модели. Для НИА языков это вполне актуально, поскольку в подавляющем большинстве их грамматик отражается влияние разных лингвистических школ: индийской, арабской, классической европейской, причем главным образом в английском ее преломлении, и ряда других, не исключая и русской. Во всех этих случаях "эталоном", по которому равняется строй НИА языков, явно или неявно выступает какой-то внешний для данной группы язык.

Только в последние десятилетия наметилась тенденция отхода от прежних традиций и приведения способа описания в соответствие внутреннему своеобразию описываемого языка. Этому особенно важно следовать при грамматическом сопоставлении, поскольку лишь на этом пути мы можем рассчитывать получить "исчерпывающую структурную характеристику" группы, ее собственную "структурную модель", а не слепок с чужой модели. Следовательно, "эталон" для сопоставления следует искать внутри исследуемой группы или создавать его, исходя из вскрываемых закономерностей, в самом процессе исследования. В первом случае им будет служить какой-то из реальных языков – членов группы; например, для НИА группы – хинди, занимавший среди родственных языков центральное место не только в социолингвистическом и географическом, но, как это будет показано ниже, и в структурном плане, что делает его наиболее удобным отправным пунктом сопоставления.

Во втором случае эталон предстанет в виде некоторого набора обобщенных структурных характеристик (на морфологическом уровне таковыми, как уже было сказано, могут служить инвентари грамматических категорий и формы их конкретной реализации, чем порождается специфика парадигм словоизменения). Выведение их явится одним из конечных результатов сопоставления внутри избранной группы. Они же могут послужить отправным пунктом в поисках универсального (отвечающего всем языкам мира) языка-эталона, если идти к нему индуктивным путем от эмпирических данных конкретных языков. Представляется крайне сомнительным, чтобы такой язык-эталон можно было вывести непосредственно из всего многообразия языков мира. Более реальным выглядит путь поступательного обобщения фактов все более широких генетических или ареальных совокупностей языков. Первым шагом на этом пути и может явиться создание языков-эталонов для компактных генетических групп. В слу-

чае выявления серьезных структурных расхождений внутри группы не исключено, что более целесообразным окажется выделение для нее не одного, а нескольких основных типов (и языков-эталонов). Однако окончательное решение этого вопроса будет зависеть от самого исследуемого материала.

§ 7. Сопоставление грамматических систем родственных языков во всей их полноте представляется задачей нелегкой для исполнения в силу ее объема и неравной теоретической обоснованности отдельных ее аспектов. Правомерно поэтому на первых этапах такой работы начинать с сопоставления по отдельным уровням [ср.: Ярцева 1967, 206]. Морфология может служить наиболее благоприятным первоначальным объектом сопоставления как потому, что теоретические расхождения грамматистов здесь не настолько глубоки, чтобы подвергать сомнению существование исходного материала [Базелл, 17], так и потому, что материал этот представлен в существующих описаниях много шире и разработан значительно глубже, чем материал других уровней. Собственно, существованию большого числа написанных с разных теоретических позиций грамматик НИА языков и многих их диалектов (см. Список использованной литературы), не говоря уж о таком капитальном труде, как "Описание языков Индии", мы и обязаны возможностью предпринять предлагаемую ниже работу, представляющую собой попытку целостного системного осмысления морфологии по всей совокупности языков названной группы.

"Разномерность" доступных описаний требовала критической оценки и "перешифровки" содержащейся в них информации, что и осуществлялось постоянно в процессе сопоставления. Основанием однозначности и допустимой надежности такой перешифровки служило знание методических приемов, систем понятий и типологических моделей, используемых различными грамматическими школами. Ошибки и пропуски в информативно важных аспектах описания выявлялись "внутренней" и "внешней" проверкой сообщаемых описанием данных. Первая заключалась в выявлении противоречий в самих констатирующих формулировках или между констатациями и иллюстрирующими их текстами, а также в извлечении дополнительной информации из иллюстративного материала. Вторая обеспечивалась множественностью доступных (причем часто методически разнотипных) описаний большинства основных НИА языков, что позволяло осуществлять перекрестный контроль, а также возможность обращаться за дополнительной информацией к текстам и иногда к носителям языка.

Неизоморфность формального и функционального разграничения уровней, особенно явственно выступающая при сопоставлении язы-

ков, включая и близкородственные, диктует необходимость предварительно сформулировать принятое в данной работе понимание границ морфологии, изложить принципы морфологического анализа, которых придерживается автор, и обосновать выделение морфологических классов, в рамках которых этот анализ осуществляется.

2. ПРИНЦИПЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ НОВЫХ ИНДОАРИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

§ 8. В качестве предмета морфологии здесь принимается словоизменение в обычном его понимании (т. е. те изменения слов, которые имеют чисто грамматический характер), включая съда и образование аналитических форм.

В связи с этим заслуживает внимания вопрос о разграничении словоизменения и словообразования (деривации). Ввиду недостаточной определенности семантических критерии предстаётся наиболее целесообразным воспользоваться для выделения синтетического словоизменения такими техническими признаками как, во-первых, регулярность соответствующих формальных образований и, во-вторых, предсказуемость получаемых функциональных результатов. Таким образом, если та или иная морфема (она может реализоваться в виде нескольких вариантов или как ряд алломорф, включая нулевую) присоединяется ко всем членам какого-то класса или подкласса слов и сообщает им одно и то же грамматическое значение, мы признаем ее словоизменительной. В противном случае ее удобнее относить к словообразованию, вынося за пределы морфологии в узком смысле (правомерность такого решения подтверждается обычной практикой включения подобных иррегулярных образований в словарь). Разумеется, предложенная процедура должна применяться достаточно гибко, с учетом возможности грамматических исключений.

Аналогичным образом признак регулярности образования и предсказуемости результата может быть использован для ограничения весьма распространенных в НИА языках аналитических форм словоизменения от синтаксических сочетаний.

§ 9. Непосредственным объектом морфологического анализа и описания служат слова в их способности нести те или другие грамматические признаки и изменяться.

Здесь встает традиционный вопрос о том, что есть слово, или, иначе, как устанавливаются его границы. Вопрос этот должен решаться, по-видимому, особо для каждого конкретного языка в соот-

ветствии с его грамматическими и фонологическими особенностями. Представляется проблематичным, чтобы даже для такой ограниченной группы близкородственных языков, как НИА, можно было дать какое-то общее непротиворечивое и достаточно компактное определение слова, которое служило бы удобным операционным инструментом, способным разрешать все спорные случаи, нередкие здесь ввиду широкого распространения аналитических типов словоизменения и словообразования.

Применительно к НИА языкам, характеризующимся препозицией определения с развившейся отсюда системой послелогов и конечной позицией спрягаемого глагола, проблема сводится главным образом к вопросу о конечной (правой) границе. Требуется решить, интерпретировать ли некоторый данный комплекс морфем как слово (основа + аффикс) или как словосочетание (слово + служебное слово).

Принимая в рабочем порядке, что совокупный опыт позволяет нам отличить полнозначное слово (а оно понимается ниже как "слово по преимуществу" и подразумевается во всех тех случаях, когда термин "слово" употреблен без дополнительных оговорок) от служебного, задачу можно свести к различию аффикса и служебного слова. Но и это играет в следующем ниже описании подчиненную роль. При сопоставлении языков существенна не столько "номенклатурная квалификация" грамматического показателя, сколько определение его соотносимого места в системе. Нам важно, отнесем ли мы его к морфологии или к синтаксису, а это должно решаться, отдельно для каждого случая, исходя из предложенного выше признака регулярности. При отнесении их к морфологии, служебные слова включаются, как и аффиксы, в разряд морфологических показателей.

Что же касается полнозначных слов, то они принимаются во всей совокупности присущих им словоформ, если речь идет об изменяемом слове, или в той его единственной реализации, в которой слово выступает, будучи неизменяемым.

§ 10. Под словоформой понимается каждое видоизменение слова, порождаемое необходимостью выразить то или иное грамматическое значение. Способность слова образовать различные грамматические формы определяется как словоизменение. Сюда включаются и основные аналитические формы, признаваемые парадигматическими (см. § II). Слово, выступающее всегда в одной и той же форме, признается неизменяемым.

Словоформа членится на основу, являющуюся носителем лексического значения, и передающий грамматическое значение сло-

воизменительный аффикс (или цепь аффиксов). Последний не обязательно должен иметь звуковое (или графическое) выражение: в тех случаях, когда словоформе, обладающей материально выраженным словоизменительным аффиксом, в грамматическом плане противостоит словоформа, равная основе, мы вправе говорить о присущей последней нулевой морфеме, частное грамматическое значение которой стоит в одном ряду с частным грамматическим значением данного аффикса. Аналогичным образом случаи, когда аффиксальным формам одного словоизменительного типа в другом словоизменительном типе соответствуют формы без аффикса, дают основание видеть во вторых нулевую алломорфу той же морфемы, которая материально выражена в первых.

В зависимости от структуры словоформы в НИА языках могут быть разделены на первичные и вторичные. Соответственно делятся и образующие их словоизменительные аффиксы. В самых общих чертах первичные можно определить как флексивные, а вторичные – как агглютинативные. Их различие основывается на таких признаках, как полисемичность или моносемичность, как тип связи аффикса с основой (непосредственный или опосредованный) и вытекающее отсюда его закономерное "место" в структурной схеме словоформы, а также некоторых более узких. Это членение во многом совпадает с диахроническим, так как первичные формы обычно представляют собой результат исторического развития ДИА и СИА флексивных форм, а вторичные являются в большинстве случаев НИА инновациями, но отнюдь не идентично ему. Например, исторически флексивный гуджаратский показатель множественного числа существительных –ō приобрел последовательно агглютинативный характер и образует структурно вторичные формы (такое же преобразование претерпели и некоторые падежные аффиксы, первоначально флексивные – см. §§ 83, 85, 86).

§ II. Совокупность словоизменительных форм данного слова образует его парадигму. Неизменяемое слово представлено нулевой парадигмой. В тех случаях, когда неизменяемое слово входит в класс слов, другие члены которого обладают словоизменением (принадлежность к одному и тому же классу может быть определена методом субSTITУЦИИ), допустимо определять его парадигму, как состоящую из омонимичных форм. Это – случай полной формальной омонимии, наряду с которой в НИА языках широко представлены примеры частичной омонимии, когда число материально различающихся словоформ меньше числа мест в парадигме, объективно прису-

щей слову данного класса в том или ином языке³. Одна из словоформ – обычно та, которая традиционно приводится в словарях данного языка, – принимается за основную, или исходную (в разных НИА языках исходные формы глаголов могут не совпадать).

Серьезные трудности встают перед исследователем НИА языков в определении объема парадигмы, т. е. установлении числа входящих в нее словоформ. Это непосредственно связано с решением вопроса о границе слова. Насколько различны могут быть результаты в зависимости от ответа на этот вопрос (кстати, напрасно было бы искать в существующих грамматиках эксплицитной его постановки), показывает практика представления, например, парадигмы имени существительного в центральных и западных НИА языках. Одним и тем же существительным в одном и том же языке может приписываться от четырех–шести до четырнадцати–шестнадцати (изредка и более) словоизменительных форм. Трудно найти единогласие и в описании глагольных парадигм.

По–видимому, удовлетворяющего всем рассматриваемым языкам единого решения здесь быть не может. Наиболее приемлемым окажется такое, которое будет учитывать переходный характер словоизменительных показателей различных НИА языков и наблюдаемую в них многомерность структуры словоизменительных схем. Выход видится в признании ступенчатой многоярусности морфологической структуры НИА языков, наличия в ней наряду с флексивными словоформами (I ярус) словоформ агглютинативных и аналитических, причем последние, в свою очередь, образуют не один, а два и более ярусов. Так, для НИА именного словоизменения обычно развертывание аналитической именной словоформы путем наращения на первичную флексивную падежную форму (I ярус) первообразного послелога или вторичного агглютинативного аффикса (II ярус), а на него – производного послелога (III ярус). Несколько иначе, но также посредством последовательного подключения первичных и вторичных синтетических и аналитических показателей развертываются и характерные НИА видо–временные глагольные формы (см. §§ 201–202). При

³ От формальной омонимии отличаются случаи нейтрализации и того или иного грамматического противопоставления, проявляющиеся в утрате его формального выражения всеми членами рассматриваемого класса слов на определенном участке парадигмы. Так, можно говорить о нейтрализации у прилагательных хинди противопоставления по числу и падежу в формах женского рода (при наличии его в формах мужского).

этом наиболее существенные структурные различия между НИА языками заключаются как раз в соотносительной роли показателей того или иного яруса в общей системе словоизменения каждого языка. Таким образом, для сопоставительных целей подобное представление морфологии НИА языков выглядит наиболее благоприятным.

Однако парадигма, включающая все аналитические образования, окажется слишком громоздкой, причем формы последних ярусов будут неравноценны в отношении их регулярности. Целесообразно поэтому отграничить парадигматические образования от непарадигматических, привлекая для этого наряду с критерием регулярности и различные дополнительные признаки – структурные, дистрибутивные, семантические и др. (ср., например, § 87 сл.). К первым, которые допускают преимущественное толкование в качестве аналитических словоформ, будут относиться именные образования с первообразными послелогами и глагольные с первичным вспомогательным глаголом, ко вторым – именные образования с производными послелогами и глагольные со вторичными вспомогательными глаголами.

§ 12. Парадигма понимается не только как совокупность материально выраженных словоформ, соотнесенных с определенными грамматическими значениями, но и отвлеченно – как совокупность самих стоящих за этими словоформами частных грамматических значений, или граммем. Примерами таковых могут служить граммемы женского рода, единственного числа, прошедшего времени, 3-го лица и т. д. Соотношение граммемы и словоформы не является взаимно однозначным: за словоформой может стоять целая совокупность разнородных граммем (например, в словоформе хинди *calī*, как и в эквивалентной ей русской словоформе "пошла", выражены три первых из приведенных выше граммем) и даже ряд граммем однородных (тот же пример не дает оснований выявить конкретную граммему лица – практически она остается не выраженной, так как на данном участке парадигмы противопоставление в лице нейтрализуется), но, напротив, некоей данной граммеме в данном сочетании с другими граммемами может соответствовать лишь одна форма данного слова (грамматическое значение женского рода в сочетании со значениями единственного числа и прошедшего времени может выразить только одна форма слова *calā* 'идти' – *calī* 'пошла').

С этой точки зрения, парадигма граммем соответствует исчерпывающей разновидности парадигмы словоформ, где каждому грамматическому значению отвечает свое формальное выражение (кстати,

таково обычное положение в агглютинирующих языках). Следуя за А. И. Смирницким [Смирницкий 1957, 28], такую парадигму в отличие от частной формальной можно было бы назвать парадигматической схемой, но поскольку нас интересуют в первую очередь сами принципиальные возможности системной организации грамматических значений и средств их формального выражения, мы можем ограничиться одним термином "парадигма", прилагая его к исчерпывающему типу таковой и рассматривая ее суженные материальные реализации как случаи редукции исходной схемы на почве формальной омонимии и частичной нейтрализации грамматических противопоставлений.

Ввиду существующих среди исследователей НИА языков значительных расхождений в толковании тех или иных грамматических категорий и особенно их наполнения, полезно ввести здесь некоторые ограничения, характеризующие наше понимание граммемы и грамматической формы.

Каждая граммема должна иметь форму своего выражения. Омонимия форм возможна в пределах каких-то отдельных, но ни в коем случае не всех словоизменительных типов. Если ни один тип не дает самостоятельной формы, соответствующей интересующему нас грамматическому значению, нет оснований говорить об отвечающей этому значению граммеме. Например, выделение винительного падежа в североиндийских НИА языках лишено оснований, поскольку для выражения грамматического значения прямого дополнения они не располагают формами, отличными от форм прямого и дательного или прямого и общекосвенного (с направительным послелогом, реже без него) падежей.

Форма выражения любого грамматического значения должна обладать морфологическим единством, т. е. одно и то же грамматическое значение при одной и той же основе должно выражаться в данном языке одной и той же словоизменительной морфемой. Синонимичные аффиксы допустимы только в соотнесении с основами различного типа. Вариантное чередование аффиксов при одной основе или основах одного типа допускается как исключение, отражающее неустойчивость нормы или междиалектные взаимовлияния, только при условии полной функциональной равнозначности этих аффиксов. Если такие аффиксы различаются хотя бы оттенками значений, образуемых при помощи этих аффиксов формам нельзя приписывать одну и ту же грамматическую функцию.

Соответствующая грамматическому значению форма должна быть присуща (во всей совокупности свойственных ей разновидностей

материального выражения через набор алломорф, включая и нулевую, если таковая имеется) всем членам класса (подкласса).

§ 13. Парадигмы различаются не только своим составом, но и структурой, которая обуславливается присущими слову (как представителю определенного класса / подкласса) грамматическими категориями, объединяющими в себе однородные частные грамматические значения. Последние, естественно, должны быть выражены формально и представлены противопоставлением по меньшей мере двух словоформ, каждая из которых отражает одно из значений. Примерами грамматических категорий могут служить категории рода, числа, падежа, времени, лица и т. п., граммемы же выступают в качестве их составляющих (например, мужской, женский и средний род).

Грамматические категории, как и охватываемые ими грамматические значения, подразделяются на классифицирующие, или лексико-грамматические, и словоизменительные, или собственно-грамматические. Под классифицирующими понимаются те категории, по которым могут быть противопоставлены только разные слова, под словоизменительными – те, по которым противопоставляются словоформы одного и того же слова [Зализняк 1964, 25; ср. Грамматика 1970, 302–303]. Классифицирующие категории выявляются в процессе группировки слов в грамматические классы или подклассы как по чисто морфологическим (таким, как тип и структура парадигмы, присущей данному слову), так и особенно по синтаксико-морфологическим признакам, подобным характеру оформления самого данного слова в той или иной конструкции, типу его синтаксической связи с другими членами конструкции, выражющейся в оформлении последних, ограничениям сочетаемости и др. Словоизменительные категории определяются набором и соотношением словоформ, составляющих парадигму слов определенного класса или подкласса.

§ 14. На основе совокупности словоизменительных категорий и тождества основных синтаксических функций слова разделяются на ряд грамматических классов, традиционно именуемых частями речи. Дальнейшее членение их на подклассы можно проводить, опираясь на классифицирующие категории, более узкие синтаксические функции и ограничения синтаксической сочетаемости [ср. Холодович, 32–43]. В рамках классов слов и их подклассов удобно вести описание словоизменения.

Традиционные критерии членения слов на части речи неоднородны. Они включают такие признаки, как I) абстрактно-семантический

(обобщенное грамматическое значение), 2) морфологический (словоизменение) и 3) синтаксический. Добиться непротиворечивого решения при параллельном применении всех трех критерии невозможно. В поисках выхода приходится обращаться к двойной схеме классификации⁴ или к избирательному использованию отдельных критерий на разных ступенях членения. Принципы членения, используемые для разных языков, могут различаться. Различны оказываются и результаты, хотя расхождения здесь, учитывая, что классификация проводится на основе самых общих грамматических признаков, значительно меньше, чем различия в грамматическом строе в целом. Для НИЯ языков в общем приемлема единая схема частей речи.

3. ЧАСТИ РЕЧИ И ОСНОВАНИЯ ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ В НОВЫХ ИНДОАРИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

§ 15. Использование названных выше критерий для выделения частей речи в НИЯ языках предстает менее противоречивым, если вместо линейного развертывания классификации обратиться к ступенчатому членению, основанному на последовательном отсечении от всего корпуса слов класса за классом. При такой процедуре открывается возможность для выделения каждого очередного класса выбирать в качестве опорного признака какой-то один, привлекая другие как вспомогательные. Необходимо оговорить, что для достижения удовлетворительного результата изменяемые слова должны приниматься в виде всей совокупности присущих им словоформ, так как иначе невозможно выделить характерные морфологические черты того или иного класса.

§ 16. Первой ступенью такого членения явится ограничение от слов синтаксически активных, т. е. входящих в структуру предложения в роли главных, подчиненных или связующих компонентов, тех слов, которые синтаксическинейтральны, т. е. по природе своей стоят вне структуры предложения и способны включаться в нее только в случае конверсии – перехода в один из активных классов. Это позволяет выделить класс междометий, к которому примыкают вокативные частицы (сами вокативы, понимаемые как одна из словоформ

⁴ Например, в "Грамматике современного русского литературного языка" деление слов на части речи (по I-му и 3-му признакам) сопровождается делением на грамматические разряды (по 2-му и 3-му признакам), что дает две пересекающиеся классификации.

имени, сюда не войдут), а также утвердительная, общеотрицательная и общевопросительная частицы. Слова этого класса, как правило, крайне немногочисленны и в описаниях языков обычно задаются списком.

§ 17. Следующей ступенью является членение синтаксически активных слов по синтаксическому же критерию на *самостоятельные*, т. е. выступающие в предложении в качестве его членов (это понятие предполагается известным), и *служебные*, членами предложения не являющиеся, а выполняющие в нем связующие функции (соответственно, их значение, аналогично значению реляционных морфем, определяется как грамматическое). Параллельно ему можно использовать и семантический критерий, который позволяет отделить первую группу – слов *полнозначных* (т. е. содержащих в себе указание на предметы, явления, процессы и их признаки), от второй – слов *частичных*, не имеющих самостоятельного лексического значения.

В эту классификацию необходимо ввести определенные ограничения, предусматривающие возможность частных случаев функционирования отдельных полнозначных слов в качестве служебных, и либо выделить подклассы слов с переходными функциями, либо квалифицировать такие случаи как омонимию на основе конверсии. Выделение переходных подклассов представляется более удобным. Оно позволяет установить своего рода иерархию служебных слов, различая среди них *первообразные* (несоотносимые с самостоятельными) и *производные* (рассматриваемые как функциональное переосмысление самостоятельных). Те и другие могут трактоваться как два последовательных яруса аналитического формообразования.

Классы *служебных* слов, которые можно определить в совокупности как *частицы речи*, как правило, содержат ограниченное число членов, обычно задаваемых в языковых описаниях списком. Для НИА языков это тем более существенно, что частицы речи должны здесь рассматриваться как чисто грамматические элементы, принадлежащие к высшим ярусам морфологического уровня и синтаксическому уровню.

Формально-морфологический критерий неизменяемости, который часто предлагают для выделения частиц речи, малоэффективен применительно ко всей совокупности НИА языков. Во-первых, он не позволяет отделить частицы речи от неизменяемых же полнозначных слов, широко представленных в НИА языках, а во-вторых, в большинстве НИА языков некоторые морфемы, традиционно относимые к

частичам речи, сами изменяются по парадигме прилагательного. Если же мы включим сюда и связи, то критерий неизменяемости частиц речи окажется неприложим ни к одному из НИА языков.

Вопросы классификации частиц речи выходят за рамки задачи, поставленной в настоящей работе. Здесь нас интересуют две их разновидности: послелоги как непременный элемент аналитического словоизменения имени и связи (они же – первичные вспомогательные глаголы) как элемент аналитического словоизменения глагола.

§ 18. Классы *полнозначных* слов образуют *части речи* (в узком смысле). В их членении удобнее всего использовать в первую очередь формально-морфологический критерий. Однако механическое применение одного этого критерия неспособно дать исчерпывающие и полностью приемлемые результаты из-за наличия во всех НИА языках слов, формально неразличимых ввиду их неизменяемости, но обладающих неоднородными функциями. С узко формальной точки зрения казалось бы последовательным и удобным объединить те и другие в один морфологический класс. Но при переходе от морфологии к синтаксису такая классификация окажется малопригодной. Использовать ее можно будет только в совокупности со значительным числом дополнительных правил и ограничений, которые сведут на нет экономию, достигнутую формально-последовательным морфологическим членением на классы. Поскольку морфологическое описание языка не является самоцелью, а служит ступенью на пути к его полному грамматическому описанию, причем за этой ступенью следует синтаксис, логично допустить, что среди различных возможных морфологических классификаций наиболее приемлемыми и ближе всего отражающими объективные внутриязыковые отношения окажутся те, которые наилучшим образом отвечают задачам синтаксического описания.

Таким образом, процедура выявления основных морфологических классов полнозначных слов (собственно частей речи) для НИА языков предстает в следующем виде. В случаях, когда всем членам класса присущ универсальный морфологический признак (практически им может служить тот или иной универсальный грамматический аффикс или ряд такиховых), он может быть принят как необходимое и достаточное основание выделения данного класса. Например, так выделяется в НИА языках класс глагола. В случаях, когда признак не универсален, т. е. соответствующая морфема представлена рядом материально различающихся алломорф, включая и нулевую, он принимается как необходимый, но не достаточный. Процедура выделения класса в результате распадается на два этапа.

Первый представляет собой идентификацию, или первичное выделение класса по тем его членам, которые могут быть отнесены к сильному словоизменительному типу, т. е. обладают максимальным набором эксплицитно выраженных словоформ (другими словами – минимальной омонимией форм в парадигме). По этому типу выводится набор грамматических категорий и граммем и определяется наполнение парадигмы.

Второй этап сводится к заполнению класса прочими относимыми к нему единицами, что достигается методом субSTITУции. Например, так выделяется в ряде НИА языков класс прилагательных, объединяющий два типа слов – изменяемых и неизменяемых.

Более подробно об используемых в каждом частном случае критериях и о степени их применимости к тому или иному конкретному НИА языку будет сказано ниже – при рассмотрении соответствующих частей речи. Здесь мы остановимся лишь на основных принципах членения.⁵

§ I9. Проще всего производится формально-морфологическое выделение глагола. Членам этого класса во всех НИА языках присуща общая для них парадигма словоизменения с универсальными или слабо варирующими внутри каждого отдельного языка типами формальных показателей. Характерной особенностью глагола является способность изменяться по лицам, наблюдаемая в любом из рассматриваемых языков хотя бы в одной из временных парадигм. Эта способность образовать личную форму может быть принята в качестве основания идентификации всех членов класса глагола.

Ввиду высокой регулярности образования и строгой предсказуемости значений как формы словоизменения глагола, а не как сло-

⁵ Индийская грамматическая традиция, судя по используемым ею терминам, в выделении классов слов опиралась как на семантический (ср., например, х., б. *sañjñā* "название" и м., б. *nām* "имя" – 'существительное'; х. *kriyā* "действие" – 'глагол'), так и на синтаксический признак (например, б. *viśeṣya* "определенное" – 'существительное'; х., м., оп. *viśeṣan* "определение", б. *nām-viśeṣan* "[при] именное определение" – 'прилагательное'; х., м., б. *kriyā-viśeṣan* "[при] глагольное определение" – 'наречие') и даже на оба вместе (например, х., б. *sāṅkhyā-vācak viśeṣan* "численное определение" – 'числительное количественное'; *kram-vācak viśeṣan* "порядковое определение" – 'числительное порядковое'). Морфологический же критерий в этих терминах отражения не находит.

вообразовательные типы принимаются непредикативные образования (инфinitив, причастия, деепричастия и др.). Выделение непредикативных форм на основе присущих им именных черт в отдельные классы (части речи) разрушило бы целостность представления НИА глагольной системы. Последовательнее принять для НИА глагола способность к двум типам словоизменения: собственно глагольному (в лице, времени, виде) и именному (главным образом в роде, а для отдельных форм при непредикативном употреблении – и в падеже). Каждый тип реализуется обычно либо в разных отделах парадигмы, либо через разные компоненты аналитической формы (причастный и связочный), но возможно и совмещение обоих типов в одной синтетической форме (например, в маратхи: *mī gēlō* 'я ушел', *mī gēlē* 'я ушла', *tū gēlās* 'ты ушел' и т. д.).

§ 20. Совокупность классов полнозначных слов, остающаяся по выделении класса глагола, может быть определена как с в е р х - класс и м е н и .

Нетрадиционным здесь является отнесение к сверхклассу имени класса наречий. Обычно этот класс либо объединяется по формально-морфологическому признаку неизменяемости с неизменяемыми же частицами речи, либо ставится особняком среди классов полнозначных слов. Объединение наречий с частицами речи нерационально как по отмеченному выше формальным соображениям (§ I8), так и вследствие семантической и синтаксической неравноценности тех и других. Вместе с тем наречия последовательно соотносимы с основными именными классами в плане словообразования (ср. §§ II8-II9). Ввиду изобилия формальных совпадений ограничение наречий от прилагательных и от производных форм существительных во многих случаях оказывается проблемой. В западных НИА языках эта задача дополнительно усложняется тем, что некоторые наречия, соотносимые с изменяемыми прилагательными, сохраняют способность к соответствующему согласованию с субъектом или объектом (ср. § I9).

Существенным аргументом в пользу соотнесения наречий с прочими именными классами может служить внутренняя организация системы НИА неличных местоимений. Функционируя в качестве заместителей слов, принадлежащих к различным грамматическим классам и подклассам, неличные местоимения в своей совокупности могут рассматриваться как объективная модель классификации соответствующей сферы лексики. В образуемой ими в НИА языках строго симметричной системе они противопоставлены между собой способностью замещать не только существительные и прилагательные (качественные и количественные), но и наречия (см. § I3I).

§ 21. Следовательно, весь сверхкласс имени целесообразно разделить по семантическому признаку на две группы классов: собственно именных, или знаменательных, охватывающих слова с назывными значениями, и месоменных, или указательных, включающих слова обобщенно-указательного значения.

Местоименный класс существительных во многих НИА языках отличается от соответствующего собственно именного не только лексически, но и некоторыми особенностями формального словоизменения (см. § 138 сл.). Но в остальном, и в частности в членении на морфологические классы, обе группы обнаруживают полный параллелизм, различаясь тем, что классы знаменательных слов открыты, а классы местоимений – закрыты и содержат малое число членов.

§ 22. Слова, изменяемые в падеже, но не изменяемые в роде, образуют класс существительных. Этот признак, однако, применим только в тех НИА языках, которые обладают изменяемыми прилагательными. В остальных существительные противостоят членам других именных классов, как изменяемые слова – неизменяемым. Для НИА языков в целом их можно выделить по вполне присущей им парадигме склонения, так как члены противостоящих им именных классов либо не склоняются вообще, либо склоняются по неполной (сравнительно с существительными) парадигме. Дополнительным (синтаксическим) признаком существительных с ослабленной парадигмой может служить способность всех членов этого класса нести в предложении функцию подлежащего или дополнения.

§ 23. Слова, изменяемые в роде, но обладающие в большинстве ИА языков неполной падежной парадигмой, образуют класс прилагательных. Поскольку в восточных НИА языках имена этого класса вообще неизменяемы, а в остальных языках изменяется часть прилагательных, для их выделения необходимо привлечение дополнительных синтаксических признаков. Одним из таковых служит присущая им функция приименного определения.

Морфологический критерий не дает оснований для выделения числительных в особый класс, если только не рассматривать порядковые, собирательные и другие производные числительные как словоизменительные формы количественных. Но ввиду недостаточной регулярности образования наиболее употребительных из них последовательнее квалифицировать такие производные числительные как словообразовательные типы.

Хотя числительные синтаксически – на основе присущих им позиций в определенных синтагмах и дистрибутивных

ограничений – могут быть обоснованы от "собственно прилагательных", эти их особенности соизмеримы с особенностями того же порядка, отличающими отдельные подклассы собственно прилагательных (например, качественных и относительных). На морфологическом уровне их отличия не находят выражения. С этой точки зрения, нет препятствий тому, чтобы рассматривать числительные североиндийских НИА языков в качестве подкласса или ряда подклассов внутри класса прилагательных (кстати, такова обычная практика авторов индийских грамматик НИА языков [Guru; Naq; Śāstri; Kēlkar; Cattōpādhyāy]).

§ 24. Наиболее ясным остается вопрос об основаниях выделения класса наречий. Морфологическая неизменяемость не может служить не только достаточным, но применительно к восточным НИА языкам даже исходным критерием различия прилагательных и наречий, прежде всего ввиду неизменяемости либо всех членов класса прилагательных, либо значительной их части. Синтаксическое противопоставление имен, функционирующих как присубстантивное определение, "именам", функционирующим как прилагательное или приадъективное определение, не дает удовлетворительного решения, так как получающиеся в результате множества имеют достаточно широкую область пересечения. Выходом из положения могло бы служить признание единиц, входящих в эту область, омонимами. Однако дело усложняется допустимостью в центральных и западных НИА языках употреблений типа *x. ばるいあっし kitabē* ‘очень хорошие книги’ или *m. ladki cāngli gātē* ‘девочка хорошо поет’. Такие примеры, хотя они и относительно редки, показывают принципиальную возможность употребления в функции прилагательного и приадъективного определений не только неизменяемых, но и изменяемых имен соответствующей семантики. Тем самым морфологическая граница между наречием и прилагательным как будто бы стирается и с этой стороны. Используемые для их обозначения индийские термины (см. § 18) показывают, что традиционное их противопоставление ⁶ покоятся на синтаксическом признаком.

§ 25. Последовательность степеней членения НИА лексики на основе предложенных критериев воспроизводит схема 2:

⁶ Индийские грамматики центральных и западных НИА языков выделяют наречия – как слова неизменяемые – в особый класс или объединяют их с частичами [Guru], но описания восточных НИА языков, для которых названный критерий отпадает, трактуют наречия и как подкласс прилагательных [Cattōpādhyāy, 163 сл.].

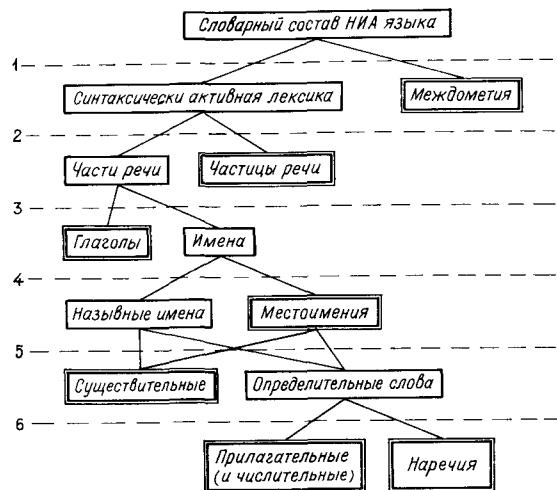

Схема 2

Класс или совокупность классов, выделяемые на каждой очередной ступени членения, помещены на схеме в двойную рамку. Признаки, служащие основанием выделения, приведены в табл. I.

Таблица I
Критерии противопоставления классов слов

Ступень членения	Признак выделения класса	Тип признака
I	синтаксически активный ~ синтаксически нейтральный	синтаксический
2	неслужебный ~ служебный (полнозначный ~ неполнозначный)	синтаксический семантический
3	спрягаемый ~ неспрягаемый	морфологический
4	знаменательный ~ незнаменательный	семантический
5	неизменяемый в роде ~ изменяемый в роде (склоняемый ~ несклоняемый)	морфологический
6	присубстантивный ~ неприсубстантивный [изменяемый ~ неизменяемый (?)]	синтаксический морфологический

§ 26. Распределение лексики внутри того или иного НИА языка по классам, выделяемым на основе предложенных признаков (показаны цифрами – ср. табл. I), представлено схемой 3.

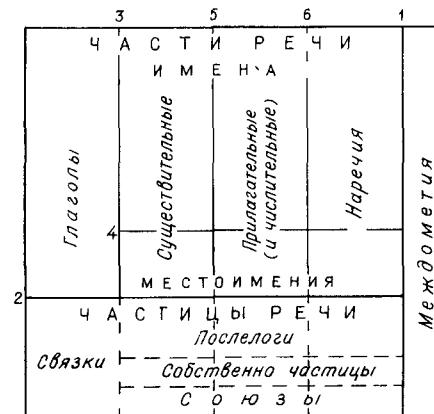

Схема 3

Схема 3 показывает разномерность использованных критериев, приводящую к пересечению ряда выделенных классов. Класс (точнее, совокупность классов) местоимений здесь включается в морфологический сверхкласс имени с дальнейшим распределением входящих в него единиц по основным именным классам. Сверхкласс частиц речи также требует распределения входящих в него единиц по некоторым из морфологических классов, выделенных для частей речи. Так, связки морфологически соотносимы с глаголом; адъективирующий послелог и некоторые частицы в языках, имеющих грамматический род, – с прилагательным; союзы местоименного происхождения – с существительным и прилагательным. Менее четко соотносятся отдельные послелоги и существительные (ср. составные послелоги и встречающиеся в западных НИА языках синтетические производные послелоги типа п. *vic* ‘в’ – *vicō* ‘из’). Большинство же частиц речи не изменяется.

Классы полнозначных слов расположены на схеме 3 в порядке убывания (слева направо) присущих им формальных признаков. Наиболее развито словоизменение у глагола, за ним следует существительное, далее – прилагательное, и замыкает ряд наречие, для которого наличие форм словоизменения воспринимается как аномалия. Описывать же НИА морфологию удобнее, отправляясь от имени.

Такой порядок изложения содействует более органичному введению грамматических категорий и дает значительную экономию в освещении "нижней" (согласовательной) части НИА глагольной парадигмы, в основном следующей наиболее характерным (сильным) типам именного словоизменения.

4. НОВЫЕ ИНДОАРИЙСКИЕ ЯЗЫКИ (СОСТАВ ГРУППЫ И ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ)

§ 27. Под НИА языками понимается группа близкородственных индоевропейских языков Южной Азии. Вместе с иранскими они составляют индо-иранскую ветвь индоевропейской семьи языков. Третий член ветви, занимающий промежуточное положение между двумя названными, представлен дардскими языками. Их иногда причисляют к индоарийским, но в данной работе они, ввиду их значительного типологического своеобразия, в эту группу не включены.

В работе рассматриваются современные НИА языки, т. е. те их разновидности, которые сформировались в XIX – XX вв. в ходе развития новой прозаической литературы, пришедшей на смену средневековой поэзии, а также диалекты и говоры, зафиксированные в течение последних ста лет. Эти языки и диалекты занимают сплошную территорию, охватывающую почти всю материковую часть Южной Азии, доходя до предгорий ограничивающих ее с северо-запада, севера и востока горных хребтов, а на юге спускаясь на полуостров Индостан до 19-ой параллели в его восточной и центральной частях и до 15-ой на крайнем западе (в целом следуя северной границе индийских штатов Майсур и Андхра Прадеш). Вне этой территории остаются сингальский язык (Шри Ланка), южная разновидность хинди – дакхины в центре штата Андхра Прадеш, изолированные говоры маратхи, гуджарати и раджастанхи, разбросанные в дравидоязычных штатах Индии, недавно открытый И. М. Эранским диалект парья (Гиссарская долина в Таджикской ССР) и диалекты цыганского языка, рассеянные по Европе и Ближнему Востоку.

Основной НИА языковой регион (см. карту-схему на стр. 37) граничит на западе через синдхи и лахнда с иранскими языками – белуджским и афганским; на северо-западе через диалекты лахнда и панджаби – с группой дардских языков, крупнейшим представителем которой служит кашмири. На севере и на востоке региона НИА языки соприкасаются с тибето-бирманскими: диалекты пахари и непальский – с гималайскими языками и языками тибетской группы; бенгальский и ассамский – с языками ассамско-бирманской ветви. На

границе бенгальского и ассамского, в районе Шиллонга, распространяется аустроазиатский язык кхаси (группа мон-кхмер). На юге региона языки конкани, маратхи и ория граничат с дравидийскими языками каннада и телугу. Кроме того, в самом регионе НИА языков, преимущественно в труднодоступных лесных и гористых районах Центральной Индии и Ориссы, проживают относительно небольшие группы носителей бесписьменных центральноиндийских дравидийских языков и языков мунда. Первые находятся в контакте главным образом с носителями бундели, чхаттигархи, ория, бходжпури и восточных диалектов маратхи; вторые – с носителями магахи, ория и западно-бенгальских диалектов на востоке и малви и нимади в центре региона. Сингальский язык развивается в непосредственном соседстве с дравидийским тамильским, дакхины – в телугуязычном окружении, парья соприкасается с таджикским и узбекским, диалекты цыганского языка – со многими языками Европы и Передней Азии.

"Описание языков Индии" [LSI, I, 1, 120] называет семнадцать НИА языков, исключая сингальский и цыганский. Число НИА диалектов на территории региона определено Дж. Грисоном в 345. Обе цифры, однако, достаточно условны, поскольку разграничение и квалификация близкородственных языковых разновидностей в большой мере зависит от выбранного критерия. Последующие исследователи и составители переписей нередко оспаривали предложенную Грисоном классификацию, склоняясь в одних случаях к более, а в других к менее дробному членению.

§ 28. Ниже перечисляются основные развитые литературные НИА языки, обладающие официально признанным статусом⁷. При каждом языке дается перечень входящих в сферу его распространения и в этом смысле функционально покрываемых им важнейших диалектов, бесписьменных НИА языков, а также тех письменных НИА языков, статус которых неофициален или полуофициален⁸.

I. Х и н д и – государственный язык Индии. Его носители – основная масса населения штатов Уттар Прадеш, Мадхья Прадеш, Хариана и союзной территории Дели и около половины жителей штатов Раджастан и Бихар.

⁷ В частности, соответствующие языки Индии включены в Приложение восьмое к Конституции. В Пакистане синдхи объявлен официальным языком провинции Синд.

⁸ Под последними мы понимаем включенные Литературной Академией Индии в число литературных языков страны бходжпури, майтили, раджастанхи (на основе марвари) и догри.

Диалекты собственно хинди, распространенные в самом центре Северной Индии, распадаются на две группы. Группа "западный хинди": 1) кхари боли, или территориальный хиндустан (на его основе развились литературные стандарты, или формы хинди и урду), 2) бандару, или хариани, 3) брадж бхакха, 4) канавуджи и 5) бундели. Группа "восточный хинди": 1) авадхи, 2) багхели 3) чхаттисгархи.

В сферу распространения литературного хинди входят также:

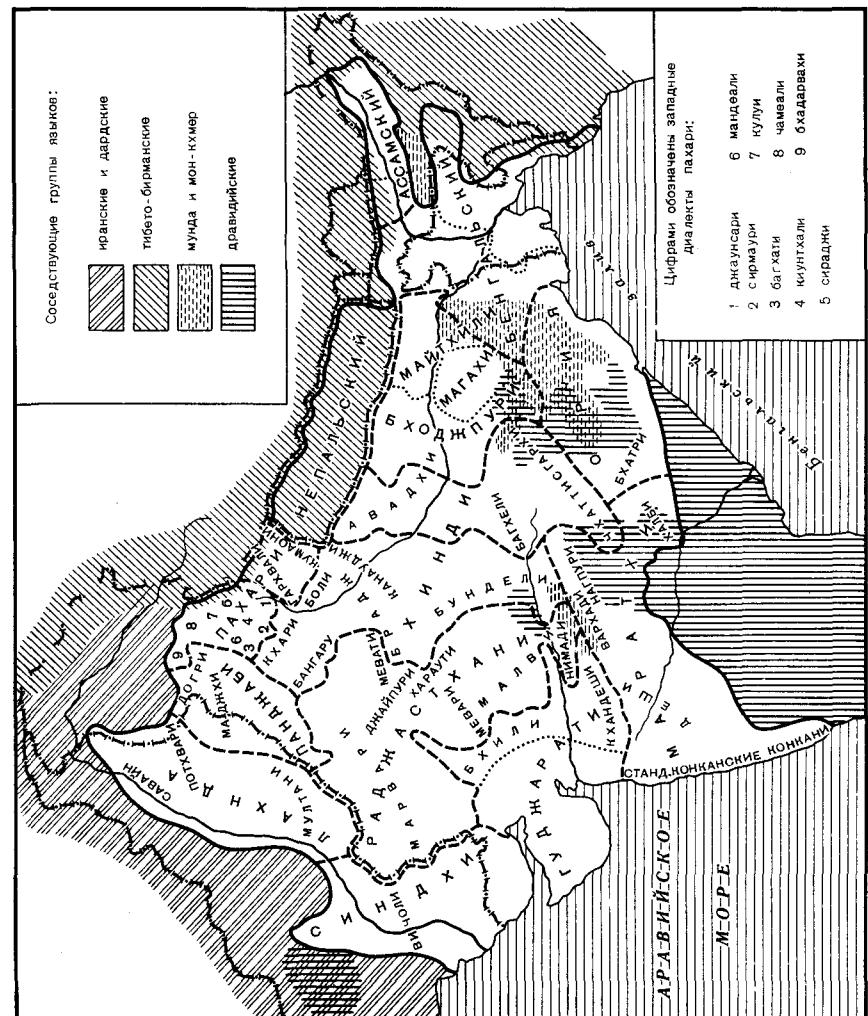
А. Группа языков и диалектов Бихара, или бихари (Индия - штат Бихар и восточная оконечность штата Уттар Прадеш): 1) бходжпuri, 2) майтхии и 3) магахи.

Б. Группа диалектов раджастхани (Индия - штат Раджастхан), включающая подгруппы: 1) марвари марвари, мевари и др.), 2) восточную джайпuri, караути), 3) северо-восточную (мевати и др.), 4) малви, а также лежащий вне этих подгрупп нимади.

В. Группа диалектов пахари (Индия - предгорья Гималаев в штате Уттар Прадеш и штат Химачал Прадеш) с двумя подгруппами: центральной (кумаони и архвали; оба распадаются на большое число говоров) и западной (джаунсари, сирмаури, бахати, киунтхали, сираджи, мандеали, кулуи, чамеали, бхадравахи, или хадравахи - все с многочисленными говорами).

2. Урду - государственный язык Пакистана и один из официальных языков Индии. Компактной территории распространения не имеет. Генетически (основывается на том же диалекте), фонологически и грамматически тождествен хинди в его литературной норме. Вследствие этого в последующем изложении он рассматривается как частная подсистема в пределах общей языковой системы хинди.⁹

3. Бенгальский язык (бенгала) - государственный язык Бангладеш и язык индийского штата Западная Бенгалия. Выделяются две диалектные группы: западная (стандартная форма - диалект района Навадвипа) и восточная

Карта-схема распространения основных НИА языков и диалектов (по Дж. А. Гриersonу)

⁹ О соотношении урду и хинди см.: [Зограф I 1956_I, 49 сл.; Зограф I 1958; Зограф I 1960_I, 152 сл.; Gumperz & Naim, 92].

стандартная форма – диалект района Дакки). Литературная норма представлена двумя сильно различающимися стилями: "классическим" (*sādhū bhāṣā*), опиравшимся на западный диалект и обладающим архаичной структурой, и "разговорным" (*casīt bhāṣā*), совмещающим элементы современного западного диалекта и калькуттского говора.

4. Язык панджаби распространен в Пакистане, в провинции Пенджаб и в Индии, в штате Пенджаб. Выделяются две группы диалектов, существенно различающиеся между собой: восточная (собственно панджаби) и западная лахнда). Восточные диалекты панджаби распадаются на две подгруппы: I) стандартную (маджхи, лежащий в основе литературной нормы, др.) и 2) догри (стандартный догри, ангри, бхатеали). Западные диалекты лахнда) распадаются на три подгруппы: I) южную мултани, шахпурский и др.), 2) северо-западную (савайн и др.) и 3) северо-восточную (потхвари и др.).

5. Язык маратхи распространен в Индии, в штате Махараштра. Имеет три группы диалектов: I) деши, занимающий большую часть территории штата и лежащий в основе литературной нормы; 2) стандартные коиканские – в прибрежной полосе штата и 3) восточные (вархади, агпур и халби – переходная форма, сближающаяся с хаттисгархи). В дравидийских штатах Майсур и Керала распространены говоры небольших групп маратхиязычного населения.

Особняком стоит коикани (в Индии, на союзной территории Гоа), иногда квалифицируемый как самостоятельный язык.

6. Язык гуджарати распространен в Индии, в штате Гуджарат. Диалектные разновидности изучены слабо. Наиболее явно отклоняется от письменной нормы диалект Саураштры.

К гуджарати в качестве групп диалектов могут быть отнесены граничащие с ним на востоке бхили и кхандеши (последний сближается с маратхи).

7. Язык ория распространен в Индии, в штате Орисса. Стандартной форме противостоит диалект бхатри, сближающийся с маратхи.

8. Ассамский язык (охомия) распространен в Индии, в штате Ассам. Различаются восточная, признаваемая стандартной, и западная диалектные разновидности.

9. Язык синди распространен в Пакистане, в провинции Синд, а также в Индии, преимущественно в границающих с Пакистаном районах штатов Раджастхан и Гуджарат и в Махараштре. Основной диалект – вичоли, лежащий в основе литературной нормы.

10. Непальский язык (найпали, кхаскура, горихали, парбатия) – государственный язык Непала. Распространен также в Северо-Восточной Индии, преимущественно среди выходцев из Непала. Диалектные разновидности мало изучены. Литературная норма находится в процессе формирования и не обладает устойчивостью.

II. Сингальский язык – государственный язык Шри-Ланка. Его литературный и разговорный стандарты сильно отличаются.

§ 29. Вопросы классификации НИА языков представляют известную сложность. Прежде всего, любая классификация этих языков и их диалектов на современном этапе неизбежно оказывается в какой-то мере относительной. Это обусловлено явлением языкового континуума, наблюдаемым на лингвистической карте Северной и Центральной Индии. От Синда до Ассама нет ни одной заметной языковой границы, хотя на этом протяжении сменяются не менее шести языков, представленных десятками диалектов и говоров. То же наблюдается и в других направлениях.

Такое положение затрудняет не только отнесение к тому или иному языку пограничных диалектов, имеющих переходный характер, но и квалификацию речевых разновидностей с более значительными специфическими особенностями. Например, определяя бхили и кхандеши как самостоятельные языки, Грирсон вынужден был оговорить, что первый, собственно, может рассматриваться как диалект гуджарати, а второй – как ответвление первого, подвергшееся влиянию соседнего маратхи (кстати, кхандеши долгое время считали диалектом последнего).

Нельзя также забывать, что каждая классификация преследует свои, вполне определенные цели и, отвечая на одни вопросы, неспособна ответить на другие. Так, генеалогическая классификация показывает прежде всего генетические связи языков, а морфологическая (или структурно-типовидная) соотносит языки по основным характеристикам их грамматического строя. Ни та, ни другая не должны показывать социальные функции языков, их взаимное соотношение в каком-то языковом объединении или просто отвечать на вопрос, надлежит ли квалифицировать ту или иную языковую разновидность как самостоятельный язык или как диалект, и предъявлять им подобные требования неправомерно. Очевидно, в этом случае нужна

ретья – функциональная – классификация, опирающаяся не на внутренние свидетельства истории языков и не на их структуру, а на роль в коммуникативном процессе в масштабе того или иного членительного сообщества, национального или наднационального, государственного или надгосударственного.

§ 30. Распространенные ныне классификации НИА языков в основе своей являются генеалогическими. Прообраз первой из них предложил Р. Хёрнле [Hoernle, XVII–XXXVI]. Затем ее развил Дж. Грирсон [ISI, I, 1, 120]. В своей классификации Грирсон исходит из целинутого Хёрнле тезиса о двух основных волнах арийской миграции в Индию. По этой теории, опирающейся на сопоставление ряда генетических и морфологических черт современных НИА языков [Grierson 1920, 78–85], первоначальные арийские пришельцы, захватившие Северную Индию, были оттеснены на ее окраины (на восток, и кго-запад) второй волной пришельцев, занявших центр этой области. Соответственно, в современных ИА языках Грирсон выделяет две основные ветви – внешнюю и внутреннюю – с третьей, промежуточной между ними. Свою классификацию Грирсон представляет в следующем виде (схема 4):

A. Внешняя ветвь		B. Промежуточная ветвь	V. Центральная группа
I. Северо-западная группа			9. Западный хинди
I. Лахнда (западный панджаби)			10. Панджаби
2. Синдхи			11. Гуджарати
I. Южная группа			12. Бхили
3. Маратхи			13. Кхандеши
I. Восточная группа			14. Раджастхани
4. Ория			VI. Группа пахари
5. Бихари			15. Восточный пахари (непальский)
6. Бенгальский			16. Центральный пахари
7. Ассамский			17. Западный пахари
IV. Промежуточная группа			
8. Восточный хинди			

Схема 4

Вне этой классификации остаются языки сингальский, отнесение которого к какой-либо из названных групп до сих пор не получило удовлетворительного решения, и цыганский, генетически связанный с языками центральной группы [Turner 1927, 34]. Парья, не находящий полного диалектального соответствия ни в одной из языковых разновидностей на субконтиненте, тоже должен быть отнесен к цен-

тральной группе, поскольку по одним линиям он обнаруживает соответствие в диалектах панджаби, а по другим – в диалектах раджастхани (и западного пахари) [Оранский 1967].

Иную классификацию предложил С. К. Чаттерджи, выступавший против членения НИА общности на две ветви и объединения западных языков с восточными (аргументация: [Chatterji 1926, 150–169]), а также предлагавший несколько отличное членение на группы. Соотношения НИА языков представлены им в таком виде (схема 5):

I. Северная группа	IV. Восточная группа
I. Синдхи	(A) 7. Восточный хинди
2. Лахнда	(Б) Подгруппа потомков магадхи
	8. Бихари
	9. Ория
	10. Бенгальский
	II. Ассамский
II. Западная группа	V. Южная группа
4. Гуджарати (включая бхили и кхандеши)	12. Маратхи
5. Раджастхани	
III. Центральная группа	
6. Западный хинди	

Схема 5

Диалекты пахари, которые здесь не выделены, Чаттерджи, как и Грирсон, считает дардскими по происхождению, но подвергшимися в среднениндийскую эпоху глубокому влиянию языков западной и центральной групп.

У этих схем, приведших к определенной системе громадное скопление разнообразных НИА языковых разновидностей, есть уязвимые пункты. Наибольшие упреки вызывает взаимная неравнозначность основных единиц членения ("языков") и связанное с этим несоответствие получаемой здесь картины и современной языковой реальности региона. Говоря о языках хинди, маратхи или бенгальском, мы прежде всего представляем себе строгую систему фонологических, морфологических и синтаксических правил, опирающихся на определенный круг лексических единиц. Первые зафиксированы в грамматиках, вторые с большей или меньшей полнотой – в словарях, но, главное, те и другие четко закреплены в сознании носителей языка и отражаются во всей совокупности производимых ими устных и письменных текстов. Для каждого языка система эта едина. Наряду с ней, охваченная и подчиненная ею, может функционировать целая совокупность отличающихся от нее подсистем: региональных (диалекты и говоры), социальных (профессиональные языки и жарго-

и), функциональных (стили языка) и, наконец, индивидуальных диалекты). Все они имеют второстепенный и частный характер, покрывааясь системой языка, признаваемой нормой. Именно это дает возможность языку служить общим средством коммуникации для представителей разных общественных групп, пользующихся в своей узкой сфере названными подсистемами.

С этой точки зрения, понятия "язык бихари", "язык пахари", "язык лахнда" (а также "восточный хинди", "западный хинди") являются научной абстракцией, призванной объединить достаточно позитивные между собой языковые разновидности (диалекты), над которыми нет общего языкового стандарта или же он от них слишком далек генетически и структурно (как литературный хинди от языков и диалектов Бихара или литературный панджаби от диалектов лахнда). Они были введены с очевидной технической целью – для того, чтобы ядать обозримость громадной массе языковых разновидностей и помочь выделить главное, специфическое. Конечно, более строго это бы в таких случаях оперировать понятием "группа диалектов", не "язык".¹⁰

§ 31. В плане структурно-типологической классификации (морфологические ее основания приводятся в корпусе работы и обобщаются в Заключении – см. §§ 229–234) НИА языки могут быть разделены на три основных группы: 1) североиндийскую

¹⁰ Поскольку используемые нами ниже классификационные термины не вполне соответствуют принятым Гриersonом и Чаттерджи, целесообразно определить здесь их содержание. Под словом "хинди" (х.), употребляемым без каких-либо дополнительных дефиниций, подразумевается современная стандартная разновидность этого языка – современный литературный хинди. Понятия "западные диалекты хинди" и "восточные диалекты хинди" соответствуют названным выше "западному хинди" и "восточному хинди". Территория, покрываемая совокупностью тех и других, определяется как "(основная) область распространения хинди"; она уже "хиндиязычного ареала", т. е. области широкого употребления литературного хинди, охватывающей также территорию распространения языков Бихара, диалектов раджастхани и пахари. Термин "языки Бихара" (бих.) мы предпочитаем традиционному "бихари", тем более что практически речь ниже касается, главным образом, бходжпури и майтхили. "Раджастхани", "пахари" и "лахнда" понимаются как совокупности диалектов в объеме, установленном Гриersonом.

(СИ), включающую все НИА языки Индии, Пакистана, Бангладеш и Непала, перечисленные в приведенных выше классификационных схемах, и недавно открытый в СССР на территории Таджикистана диалект парья; 2) цейлонскую, представленную сингальским языком (Шри Ланка), и 3) группу диалектов цыганского языка. Выделение двух последних было обусловлено тем, что как сингальский язык, оторвавшийся от северных ИА языков около 2500 лет тому назад, так и диалекты цыган, исход которых из Индии относится к I тысячелетию н. э., длительное время развивались изолированно от родственных ИА языков, в иноязычном окружении, что наложило глубокий отпечаток на их современную структуру. Иноязычное влияние на парья, видимо, было не слишком долгим и затронуло его структуру менее глубоко.

Развитие СИ языков, сохранивших в той или иной мере контакты между собой, шло в одном направлении, различаясь главным образом неравномерной интенсивностью в целом общих процессов. В результате эти языки по фонологическим, морфологическим и синтаксическим признакам своей современной структуры сводятся в три основные подгруппы: достаточно тесно смыкающиеся между собой западную (характерные ее представители – синдхи и маратхи) и центральную (хинди и его западные диалекты, а также диалекты раджастхани и пахари) и отчетливо противостоящую им восточную (бенгальский, ория и ассамский). Именно в этом смысле мы будем говорить ниже о НИА языках востока, центра и запада. Последние допускают и более дробное членение на южные (маратхи и konkani) и северо-западные (синдхи и примыкающие к нему диалекты лахнда). При этом граница между центральной и западной подгруппами здесь крайне условна. По многим признакам морфологического строя панджаби и гуджарати явно тяготеют к хинди, хотя некоторые черты связывают их, соответственно, с северо-западными и южными НИА языками. Не случайно расхождение между Чаттерджи и Гриersonом касается, в частности, места этих языков (ср. схемы 4 и 5). Можно говорить о промежуточной позиции панджаби между центральной и северо-западной подгруппами, а гуджарати – между центральной и южной, подобно тому как промежуточное положение между центральными и восточными НИА языками занимают по многим признакам не только восточные диалекты хинди, но также непальский и языки Бихара. Такое соотношение в основных своих линиях повторяет географическое взаиморасположение языков.

Наличие черт общности у СИ языков, объединяемых в одну подгруппу, не означает, естественно, отсутствия между ними струк-

урных различий. Наиболее существенные особенности такого типа, значительной мере объяснимые внешним воздействием, наблюдаются у языков, занимающих периферийные районы общего ИА региона, в частности у ассамского, обнаруживающего черты сходства с соседними тибето-бирманскими языками; у панджаби (и особенно его западных диалектов), а также западных диалектов пахари, сближающихся по некоторым признакам с дардскими языками; у маратхи, пуря и бенгальского, носящих наиболее четкие следы влияния дравидийских языков. С этой точки зрения, весьма перспективным представляется сопоставление НИА языков с индийскими языками других генетических групп с целью установления здесь языковых реалов^{II}.

§ 32. Первоочередными объектами сопоставления в последующемложении служат развитые литературные НИА языки (см. § 28). Найду с ними регулярно привлекаются как представители диалектных языковых групп, существенно отклоняющихся в своей структуре от окрывающего их основного письменного языка, бходжпури и майтхи (для бихарской языковой области), авадхи (для диалектной области "восточный хинди"), брадж и бундели (для диалектной области "западный хинди"), раджастхани (преимущественно в формах марари и мевари), лахнда (преимущественно в формах мултани и шахурской), конкани; диалекты пахари ввиду присущих им значительных морфологических расхождений даются большей частью дифференцированно.

Данные других диалектов используются выборочно, главным образом, в случае серьезного их отклонения в категориальной структуре, наполнении категорий или средствах их формального выражения от соответствующего письменного стандарта. Так же выборочно – при несоответствии их письменной норме – даются отсылки к разговорным формам общенародного языка (особенно при серьезных расхождениях письменного и разговорного стилей, как это имеет место, например, в сингальском). Учитывая общеизвестный факт, что диалекты способны дольше сохранять структурные архаизмы, а разговорная форма общенародного языка более доступна инновациям,

^{II} Плодотворный опыт такого исследования на материале индо-иранских языков содержит работа Д. И. Эдельман [Эдельман]. В связи с этой проблемой см. также работы М. Эмено [Emeneau 1956 и др.]. Ареальной южноазиатской тематике целиком посвящен недавний номер журнала International Journal of Dravidian Linguistics (vol. 3, N 1, 1974).

чем письменная, обладающая определенным консерватизмом, мы полагаем, что такое привлечение диалектного и просторечного материала полезно для объяснения хода формирования современной грамматической системы и определения тенденций ее развития.

Цыганский язык (за исключением специально оговариваемых случаев) представлен северорусским диалектом, достаточно полно отражающим общечыганские (ИА) структурные элементы.

Источники грамматической информации перечислены в Списке использованной литературы (в необходимых случаях к ним даются отсылки). Оттуда же почерпнуты некоторые иллюстративные примеры.

§ 33. Материал письменных языков воспроизводится в работе в транслитерации. Таковой здесь служит традиционная латинская индологическая, используемая с конца XIX в. в большинстве авторитетных словарей и грамматик ИА языков.

Транслитерация маратхи в части воспроизведения утраченной ныне назализации гласных следует преобладавшей до 60-х годов нашего века старой орографической норме, поскольку так более четко передаются межъязыковые морфологические соответствия. При чтении нужно учитывать, что для письменного маратхи значок тильда, позволяющий различать здесь грамматические омонимы (и современные омографы), лишен фонологического наполнения.

Для диалектного материала сохраняется форма записи, использованная в печатном источнике, на который дается отсылка. Старые транскрипции такого рода близки к упомянутой транслитерации, более новые в той или иной мере опираются на международную фонетическую транскрипцию. Как правило, различие в принципах записи не затрудняет идентификации морфем и не препятствует морфологическому сопоставлению. Нужно, однако, иметь в виду, что гласные цыганского и пуря, приводимые в записях без диакритических знаков, не должны отождествляться с краткими гласными общей для СИ языков транслитерации.

Ниже даны основные соотношения знаков транслитерации и транскрипций – фонологической (в косых скобках) и фонетической (в квадратных скобках)¹²:

a - /ə/; [ʌ, ə] (б., ас., ор. /o/; [ɔ, o]; ас. /v/)	ā - [ə, a, v]
a, ā - [ə]	a' - /ɔ/ ā - /ɑ/; [a:]

¹² Соответствия транслитерации оригинальным индийским алфавитам см: [Зограф 1976].

(ai), ae - /eɪ, eɪ/; [ʌɪ,	kh - /k'/; [k', (x)]
e:, æ:] (ö., ac., op. /ɔy/)	l - /l/
(au), ao - /əʊ, əʊ/; [ʌu,	l̄ - /l̄/
ɔ:/] (ö., ac, op. /ɔw/)	m - /m/
- /b/	n - /n/
- /b'/	ñ - /ŋ/ ([ŋ])
l - /b'/ (п. /p̄, 'b/)	n - /n/ ([ɲ])
- /č/ (м. также /c/; ac. /s/)	n̄ - /ɳ/
l - /č/ (ac. /s/)	o (ö) - [o]
- /d/	ö (o) - /o/; [o:] (г. также/o/)
- /d/ (ac. /d/)	oy - /w/
- /d'/	p - /p/
l - /d'/ (п. /t̄, 'd/)	ph - /p'/; [p', (f)]
l - /d'/ (п. /t̄, 'd/; ac./d/)	q - [q, k]
(e) - [e]	r - /r/
(e) - /e/; [e:] (ö., ac., г.	r̄ - /t̄/ (ac. /r/)
также /ɛ, æ/)	rh - /ʈ̄/
- [f, p̄]	s (s, s̄) - /s/; [s, ſ] (ac. /x/)
- /g/; [g, (γ)]	s̄ - [ʃ, s] (ac. [x])
- [γ]	š (s̄, ʂ) - /ʃ/; [ʃ, s] (ac. /x/)
- /g'/	t (t̄) - /t/
l - /g'/ (п. /k̄, 'g/)	t̄ - /ʈ̄/ (ac. /t/)
(h) - /h/ [h̄]	th - /t̄'/
(i, ī) - /ɪ/; [i, ī]	th̄ - /ʈ̄'/ (ac. /t̄'/)
- /i/; [i:]	u (ü, ǖ) - /ʊ/; [u:]
- /j/; [j, (z)] (м. также	ǖ - /u/; [u:]
/j/; ac. /z/)	v - /v/; [v, w]
- /j'/	v̄ (w) - /w/
l - /j'/ (м. также /j'/; ac.	y - /y/ (ö., op. /j/; ac. /z/)
/z/; п. /č̄, 'j/)	ŷ - /y/
k - /k/; [k, (q)]	z (z̄, z̄̄, z̄̄̄) - /z/; [z, ź]

SUMMARY

G.A. Zograph

THE MORPHOLOGICAL STRUCTURE
OF NEW INDO-ARYAN LANGUAGES
(A Typological Study)

Introduction

The aim of the present work is to give an outline of the morphological structure of NIA languages with the help of what may be called the method of typological (analytical) comparison. The method just indicated differs from the more traditional for ethnological studies historical-comparative method in at least two aspects: (1) of primary importance to the method of typological comparison is determining certain regular systemic correlations between the morphemes of the languages analyzed rather than the material similarity of the morphemes; (2) the typological comparison is independent from the common genesis of the language phenomena described, it deals with their strictly synchronic features with special reference to the similarity of functions.

The main object of our study are grammatical categories, which are established by analyzing the grammatical correlations of respective morphemes. Two major types of categories are distinguished, viz. classifying categories, which reflect the existing word-classes, and inflexional categories, which deal with different forms of one and the same word.

The following hierarchically organized set of categorial features is used to make the comparison between different languages possible: (1) the repertory of categories; (2) the contents of each category (i.e. the nomenclature of grammemes included into it); (3) structural means of categories' manifestation (first of all the dominant structural type – inflectional, agglutinative, or analytic – is stated, while the second step consists in listing actual markers – affixes and structural words).

The markers and corresponding word-forms are grouped into primary and secondary ones. Primary markers are those which are added to the stem immediately after it, that is they are not separated from the stem by any relational morpheme of the same class (including zero marker). Secondary markers are added to the stem indirectly – through the primary markers. Some further types of markers may be thought of as well, viz. tertiary markers, etc.

The first three sections of the Introduction (§§ 1-26) dwell on the method adopted by the author, on the procedures of morphological analysis and, finally, on the principles according to which the main morphological classes are singled out. Section 4 (§§ 27-33) is devoted to a general description of the NIA group of languages. In addition to the existent (genealogical) classification of NIA languages a grouping based on some typological considerations is offered by the author, viz:

A. North Indian: (I) Western – Marathi (M.), Konkani (K.), Sindhi (S.), Lahnda (L.); (II) Central – Hindi (H.) with its Western dialects, Rajasthani (R.), Pahari (Pah.); (III) Eastern – Bengali (B.), Oriya (Or.), Assamese (As.); the intermediate position between (I) and (II) is occupied by Gujarati (G.) and Panjabi (P.), that between (II) and (III) – by Nepali (N.), the languages and dialects of Bihar (Bih.) and Eastern Hindi (EH);

B. Sinhalese (Sinh.);

C. Gypsy, or Romani (Gy.) (the latter two are defined as "non-Indian").

Part one. Noun

In the present work adverbs are non-traditionally included into nominal parts of speech (for reasons see § 20 and Ch. III).

Chapter I. Substantive

1. Gender (§§ 36-40, Tables XXXIX, XL). There are NIA languages having no gender (B., Or., As.), languages with two genders (H., Pah., R., P., L., S., Gy.), languages with three genders (M., K., G., Bhili, Bhadarwahi), and a group of languages and dialects in which gender is gradually dying out (N., Bih., EH., Parya). The analysis of this category makes it also possible to show a specific position occupied by Sinh. in which nouns are divided into animate and inanimate (as well as into human and non-human) and only the animate are grouped according

to their gender. Gender in NIA is structurally manifested in different ways, viz.: (a) by means of specific nominative endings; (b) by means of specific inflectional types; (c) through adjective (verb) - substantive agreement. (A) and (b) enable us to distinguish specific inflectional types for each gender: the thematic (with its strong and weak sub-types) and the athematic.

2. Nouns are also divided into animate and inanimate as well as into human and non-human subclasses. This classifying category finds its expression in just one form of the noun - that of indirect object. The analysis presented in §§ 41-47 shows that respective opposition for North Indian languages should be treated as human vs. non-human rather than as animate vs. inanimate. In Eastern NIA this opposition is also manifested through the choice of the secondary affixes of the plural. Colloquial Sinh. occupies a specific position. There the grouping of nouns into human and non-human subclasses is hierarchically dependent upon the grouping into animate and inanimate ones. For Gy. the notion 'animateness' holds well.

3. Definite (inflected) and Indefinite (uninflected) objects form an inflectional category of 'definiteness' closely linked with the previously mentioned one. In most NIA the definite object takes the form of the Dative (or the Oblique with the dative postposition) while the indefinite object takes the form of the Direct. In Eastern NIA this opposition is additionally manifested by postpositional definitive particles. Sinh. is characterized by the specific indefinite form of noun (§§ 48-50).

4. Number (§§ 51-67). All NIA have two numbers - Singular and Plural, but they differ in the expression of the latter. In Western and Central NIA, primary (inflectional) markers of the plural prevail. In Eastern NIA as well as in the languages of the intermediate group, secondary (agglutinative) markers prevail. The latter are more or less typical for Central and some Western NIA as well. A specific position among them is occupied by G. which is somewhat closer to the Eastern type. In Sinh. a considerable role is still played by the primary markers, though a new system of secondary markers is being developed. The proportional interrelationship between primary and secondary markers in various NIA is shown in Fig. 30.

5. Case (§§ 68-98). The notion 'case' in the strict sense can hardly be applied to all NIA languages, the forms traditionally treated as such being too different structurally and func-

tionally. Primary (synthetic, inflexional) forms are used in NIA side by side with secondary ones (agglutinative and analytical); besides, irregular forms are not uncommon alongside regular forms in each class. Accordingly, three problems face the analyst, viz.: (1) fixing boundaries of the primary forms paradigm, (2) finding out boundaries of the secondary forms paradigm, (3) theoretical admissibility of the two types of forms to co-exist within one and the same paradigm.

So far as no a priori solution can be offered for these problems we have attempted to represent the NIA case system as a hierarchy of three 'levels' of forms distinguished by their respective markers: the primary (I), the secondary (II), and the tertiary (III). In those cases when not all the three types of markers are present in a given form, it is possible to assign a marker to a particular level with the help of various additional criteria (such as the structural type of the marker, its distribution, its frequency, etc.).

Primary markers, characterizing Western and Central NIA, form, first of all, the opposition Oblique vs. Direct. The scope and means of its manifestation are dealt with in §§ 69-74 and shown in Table XLI. The Vocative is added to the opposition. Its specific positive features are marked less distinctly than those of the Oblique (§§ 75-78). Synthetic forms of other cases, labelled here as "Old indirect cases" (Locative, Instrumental, Ablative), present in various NIA the following three types: (1) those which are relevant for just limited number of nouns and tend to be lexicalized; (2) those which have at present become rather agglutinative in nature and are included, alongside secondary forms, into the new inflectional system as regular members of the paradigm; (3) case forms which are distributed complementarily with respective secondary forms (§§ 79-86).

The boundary-line between the secondary marker-forms and those with tertiary markers is discussed in §§ 87-90, where some possible means of discriminating between "simple" postpositions and derived "compound" postpositions are analyzed.

The conclusion made is that the main types of the NIA case systems (see §§ 96-98) are distinguishable by the presence vs. absence of the forms belonging to the 1st 'level'. These forms, common for Western and Central NIA, Gy. and, partly, Sinh., have ceased to function in Eastern NIA and are gradually dying out in N., Bih., EH., and G.

6. The main types of the NIA nominal inflection can be reduced to the following two patterns:

the "Western" pattern - $B + \frac{[f + n]}{I} + f + \frac{[p' [+ f]]}{II} + [p'']_{III}$

and the "Eastern" pattern - $B + \frac{[d / n]}{II} + c + [p'']_{III}$

B - stem; f - case and number ending; n - secondary number suffix; c - secondary case affix; d - definitive particle, in complementary distribution with 'n'; p' - primary postposition; " - derived postposition). Fig. 7-10 serve to illustrate the realization of the above patterns with respect to various types of nouns in M., H., B. and As. The main inflectional forms of the principal types of nouns are shown in Tables VII-XV.

Chapter II. Adjective

In Eastern NIA and in Sinh. the adjective has no inflection; in most Central and Western NIA, adjectives fall into two subclasses: the inflected (the so-called strong thematic) and the uninflected. Some rudiments of the third sub-class (the so-called weak thematic) can be found in K., EH., Bih. Even more complicated is the system of adjective inflection in S., although here, as well as in K., one may observe a tendency to reduce it to a two-class system. In Bih., EH., N. and Parya the adjectival inflection tends to be irregular. In Gy. adjectives of IA stock are, generally, inflectible, albeit this potential is realized rather irregularly.

Adjectives' gender, number and case inflection generally follows the nominal strong thematic type, although a neutralization of certain oppositions (number, case) is not uncommon. Only S. displays all these categorial oppositions in full.

Adjectives have only primary case forms: Direct, Oblique, only rarely Agentive (some dialects of P., Pah., R.) and rudimentary forms of Locative-Instrumental (P., L., G.). Inflection of adjectives is dealt with in §§ 102-111.

As a sub-class of adjectives numerals can be treated. Their morphological and syntactical peculiarities are clearly manifested in Sinh. alone where they form an independent class.

Chapter III. Adverb

There is no strict boundary in NIA between adverbs and adjectives. The chapter deals with the interrelationship between

the former and the latter, as well as with the rudimentary inflection of adverbs derived from adjectives.

Chapter IV. Pronoun

From the point of view of their functions and their semantic characteristics, NIA pronouns fall into two groups: Personal and Non-personal. It is reasonable to group pronouns in just this way because the non-personal pronouns form a symmetrical system of derivatives.

Morphologically pronouns are divided into substantives, adjectives and adverbs.

The system of personal pronouns (1st and 2nd person and Reflexive pronoun) is dealt with in §§ 123-130 and shown in Table XIX; the system of non-personal pronouns (Near and Remote Demonstrative pronouns - which at the same time serve as pronouns of the 3rd person; Correlative, Relative, Interrogative, Indefinite) is presented in §§ 131-132 and Tables XX-XXI.

The system of substantive pronouns displays different patterns in different NIA. In Central and Western NIA with the exception of H., P., and a number of dialects, pronouns have a gender opposition while in Eastern NIA a category of 'subordination' is relevant for pronouns. The aforesaid category has developed from the old forms of number. It reflects the hierarchy of traditional etiquette in the use of the three types of forms - the familiar, the neutral and the respectful (most fully represented in the 2nd person). The system is further complicated by the opposition human vs. non-human or animate vs. inanimate, which results in asymmetrical patterns like B.: neutral common vs. non-human vs. human respectful. The point of interest here is that in As. the category of gender is relevant for non-personal pronouns (§§ 133-137).

Inflection of pronouns (§§ 138-144, Tables XXII-XXIV) in Central and Western NIA does not strictly follow that of substantives. It is characterized by the suppletion of the plural stem and the indirect case stem, by specific Dative and Agentive case-forms, by the relevancy of the Adjective form (or 'possessive pronoun') for producing the forms of the third 'level' and, sometimes, of the second 'level' too. In Eastern NIA, common nominal secondary markers of number and case are, as a rule, used for pronouns, though they are normally added to the changed ('indirect') stem.

Adjectival (§§ 145–146) and Adverbial (§ 147) pronouns do not reveal any specific morphological features.

In S., L., as well as in As. and Parya, there are pronominal enclitics to be found (§ 148).

Part two. Verb

Chapter V. The problem of verbal classifying categories

Three stages of verb derivation are considered: if an intransitive stem is taken as the take-off point, these stages are represented by (1) transitive stem, (2) causative stem, (3) potential stem; in the case of a transitive stem the stages are 1) causative stem I, (2) causative stem II, (3) passive (potential) stem.

All the stem types and regularities of their derivation are analyzed with respect to their formal-derivational, semantic and syntactical characteristics. Lack of strict regularity in the stem formation, together with the functional non-identity of formally identical derivatives lead us to believe that respective processes belong to the sphere of derivation (word formation) rather than to that of inflection.

As a classifying category, morphologically manifested in Central and Western NIA (certain traces of which are also retained in some Eastern NIA – As., Bih., and EH.), the category of transitivity vs. intransitivity must be accepted.

Chapter VI. Verbal inflexion

Verbal inflectional categories are described rather differently in the existing NIA grammars. That is why we have to begin with the analysis of the over-all system of forms. The actual description is preceded by stating some general principles of the analysis (§§ 158–159).

One of the oppositions described first is that of 'representation' which reflects the existence of finite and non-finite forms. The following four types of representation can be considered: the verbal, the nominal (infinitive, verbal noun, *nomina agenti*), the adjectival (participles) and the adverbial (conjunctive participles). The distribution of particular non-finite forms varies in different languages. Eastern NIA can be distinguished where non-finite forms (especially those of adjectival representation) are comparatively few. Sometimes the boundary

lines between the representation types are not strictly marked (e.g. infinitive / gerundive; *nomina agenti* / perspective participle, etc.).

Participles display most of all pronounced structural uniformity: in almost all the languages we find imperfect participles (affixed in -t-, -d-, -nd-) and perfect participles (affixed in -i- / -y- / Ø in Central and Western NIA, excluding M., and in -l- in Eastern NIA, M., and G.). Their importance follows from the part they play in the formation of analytical finite forms. Sinh. is characterized by specific non-finite forms (see §§ 160–167, Table XXVIII).

Verbal finite forms are divided into synthetic and analytical types, both types being, in turn, subdivided into primary and secondary subtypes. The particular subtype is determined depending on how the affix is linked to the stem (in the case of synthetic forms) or by the choice of the auxiliary verb (in the case of analytical forms).

Primary synthetic forms in NIA are but few (§§ 168–169, Table XXIX, XXX). They are: (1) Imperative and (2) "Simple Present" Indicative (in Eastern NIA and Sinh.) or Subjunctive (for the rest of NIA, except M., in which they form "Simple Past").

Secondary synthetic forms fall into two groups: (1) those which are derived from a non-participial stem, and (2) those which are derived from a participial stem.

The first group comprises stems of Future tense, formed in two ways: (1) by adding an augment (-g-, -d-, -l-) to the (primary) personal inflexion, the augment being usually followed by the nominal inflexion (f); (2) by adding personal inflexions (similar with the primary) to the stem followed by affixes -h- / -s- / -š- (§§ 170–172, Table XXXI).

The second group forms are derived from the stems with participial affixes – imperfect participle affix -t- (Habitual Past and Conditional), perfect participle affixes -y- / Ø or -l- (Preterite, Past, or Indefinite Perfect), verbal noun affix -b- (Future, in Eastern NIA), or necessity participle affix -av- (Subjunctive, or Voluntative, in M.). The forms in question can further have secondary inflexions of three types: (a) verbal proper (the word being inflected for person and number – common for Eastern NIA); (b) nominal proper (the word being inflected for number and gender – common for H., P., G.); (c) verbal-nominal (the word being inflected for person, number and gender – in

, S.). Sometimes (e.g. in Conditional, in G.) such forms are void of inflexions (see §§ 170-178, Tables XXXII-XXXIII).

The forms with the auxiliary "be", characteristic of all North Indian NIA, should be classified as primary analytical forms. Their position in a sentence or a clause is invariably final. We distinguish between five main types of 'be'-like verbs which serve to express: (1) Present and (2) Past Indicative, (3) Presumptive (the Future form of the auxiliary), (4) Subjunctive, (5) Conditional, and, in certain languages (e.g. S., M.), some other as well (§§ 180-186, Tables XXXIV-XXXV).

When in combination with the verb 'be', the head verb takes the form of a participle - (1) imperfect, (2) perfect or (3) durative - thus producing the corresponding series of aspect forms (§ 187-191). Sometimes the non-finite component of analytical forms can differ from the abovementioned (e.g. in Or.).

In Eastern NIA, as well as in some colloquial modifications of Western NIA, a contraction of primary analytical forms can be observed.

Secondary analytical forms are built with the help of auxiliaries of various semantic characteristics. Such forms can be classified as those expressing the mode of action (Aktionsart). The most typical forms of this kind are discussed in the present study, particularly those with the verbs "can" (Potential), "finish" (Completive), "stay" (Continuative), "go" (Progressive and Passive), "do" (Frequentative) and some others (§§ 193-200).

The structure of NIA verbal forms can be represented by a set of patterns (cf. § 201), beginning with the simplest $V_b + t'$ up to the expanded one - $V_b + a^{IP} + f + v_b^p + a^{IP} + f/t'' + v_b^p + a^{IP} + f/t''$. V_b - stem of a head verb; v_b^p - stem of a primary auxiliary; a^{IP} - stem of a secondary auxiliary; f - affix of a non-finite form; t' - primary personal inflection; t'' - secondary personal inflection).

It is noteworthy that the expansion of the verbal analytical form, contrary to that of the nominal form, is carried out not by just concatenating its components in a linear order, but rather by inserting them between the stem of the head verb and the personal inflection. Fig. 17-19 exemplify the respective paradigms for M., H., and B.

It seems appropriate to analyze the analytical form according to the type of its constituent 'blocks' - the head and the auxiliary verbs. Thus, primary analytical forms, most typical

for North Indian NIA (usually just these forms, together with respective synthetic forms, are found in standard verbal paradigms) can be schematized as follows.

Let us arrange all such forms in a sort of matrix where columns reflect the participle component types while lines reflect the verbal auxiliary types, viz.: (0) "zero participle", (1) imperfect, (2) perfect, (3) durative participle (columns) and (0) "zero auxiliary", (1-5) five principal types of the auxiliary (lines). Such a scheme will allow, then, of a quite feasible functional interpretation where aspect distinctions are represented along the horizontal axis, while tense and mood on the vertical. The scheme is exemplified in §§ 203-214 (Fig. 20-28) and discussed in §§ 215-222 (Fig. 29).

Some specific features of negation in connection with the morphology of verb are dealt with in § 223.

§§ 224-228 deal with the concord categories of person, number, 'subordination', gender and case.

Conclusion

A Summary of the main NIA categorial features is given in §§ 229-231 (Tables XXXVII-XXXIX). One of the first conclusions to be drawn is an isolated position of the non-Indian NIA languages (Sinh. and Gy.) which is clearly seen in the repertory of categories, their contents and, especially, in the ways and means of their manifestation.

In North Indian NIA two distinct morphological types can be singled out - the "Western" type (I) and the "Eastern" type (II). The former can be defined as inflexional with a considerable number of analytical forms, the latter - as mainly agglutinative.

If we arrange NIA languages according to the gradual decrease in the number of inflexional forms (and, on the other side, according to the growing prominence of analytical and agglutinative forms), first in the sequence would come Gy., which is demonstrated by its fully manifested opposition of the Oblique and Direct cases, by its adjectival inflection and multiple verb-conjugation types, and, at the same time, by its minimal number of analytical forms. Next would come Western NIA proper - M., K., and S. - in which a high degree of synthetism (reflected in the primary and secondary formations) goes hand in hand with the newly-acquired analytical forms, characteristic of the majority of NIA. L. is closely allied with the aforesaid languages. Then

СОДЕРЖАНИЕ

comes the Central group – the languages not yet devoid of the regularity in the primary inflexion, though exhibiting clear reference for analytical forms (P., R., Pah., and, last of all, . – its most typical representative). To the same group belongs ., which, though having much in common with M., still stands apart from it due to a high proportion of analytical features still in the nominal forms, where a minimal number of primary inflexions has survived. G. reveals a marked tendency to become language of the agglutinative type, like Eastern NIA. Parya could come next, followed by EH., N., and Bih., which have lost the regularity of the primary oppositions. Our list is terminated by Or., B., and As. in which agglutinative forms obviously prevail. Sinh. would hardly come into the picture. In that language most characteristic synthetic features are present, while the analytical forms of the common NIA type are rather rare to find. Besides, it reveals a tendency toward a complete loss of concord categories (especially, in the Colloquial Sinh.) while agglutination is being developed.

Thus the morphological classification of NIA (Fig. 31) differs from the genealogical classifications (see Fig. 4 and 5) in two main aspects. Firstly, it does not result in the division of North Indian NIA into the Inner and Outer sub-groups. The transition is more or less smooth, and follows mainly the latitudinal direction. Some structural inconsistencies do violate the general scheme but, nonetheless, the plausibility of the classification presented can hardly be denied. Secondly, the main structural cut, which divides North Indian NIA morphologically, follows the boundary between the "Western" and "Eastern" types. The subsequent classificational groupings, such as singling out the "Central" and "Western proper" sub-types, as well as the "North Western" (S.) and the "South Western" (M., K.) within the latter are clearly subordinate with respect to the above main division.

От автора	3
Введение	
1. Сопоставительная грамматика генетической группы языков (§§ I-7)	5
2. Принципы морфологического описания новых индоарийских языков (§§ 8-14)	18
3. Части речи и основания их выделения в новых индоарийских языках (§§ 15-26)	25
4. Новые индоарийские языки (состав группы и вопросы классификации) (§§ 27-33)	34
Часть первая. Имя	
Глава I. Существительное (§§ 34-100)	47
Категория рода (§§ 36-40)	48
Категория personalности (одушевленности) (§§ 41-47)	55
Категория определенности (§§ 48-50)	64
Категория числа (§§ 51-67)	67
Категория падежа (§§ 68-98)	79
Формы с первичными показателями (§§ 69-86)	82
I. Общекосвенный падеж (§§ 69-74)	82
2. Звательный падеж (§§ 75-78)	87
3. "Старые" формы косвенных падежей (§§ 79-86)	90
Вторичные показатели (§§ 87-95)	98
I. Иерархия вторичных показателей (§§ 87-90)	98
2. Инвентарь первообразных послелогов и агглютинативных аффиксов (§§ 91-92)	106
3. Морфологическая структура производных послелогов и составные послелоги (§§ 93-94)	109
4. Устойчивые послелогообразные сочетания (§ 95)	II0
Падежные системы новых индоарийских языков (§§ 96-98)	III
Структура словоизменительных форм и характерные парадигмы существительных (§§ 99-100)	II7
Глава II. Прилагательное (§§ 101-II6)	I30
Словоизменение прилагательных (§§ 102-III)	I32
Счетные прилагательные – числительные (§§ II2-II6)	I43
Глава III. Наречие (§§ II7-II20)	I47
Глава IV. Местоимение (§§ I2I-I48)	
Функционально-семантические классы местоимений (§§ I23-I32)	I55
Личные местоимения (§§ I23-I30)	I55
Неличные местоимения (§§ I3I-I32)	I60
Морфологические классы местоимений (§§ I33-I47)	I65
Местоимения-существительные (§§ I33-I44)	I65
Словоизменение местоимений-существительных (§§ I38-I44)	I72
Местоимения-прилагательные (§§ I45-I46)	I82
Местоимения-наречия (§ I47)	I84
Местоименные энклитики (§ I48)	I84

Часть вторая. Глагол

Вводные замечания (§ 149)	187
Глава V. Проблема классифицирующих категорий глагола (§§ 150–157)	189
Категория переходности (§ 157)	205
Глава VI. Словоизменение глагола (§§ 158–228)	207
Принципы строения глагольных форм и словоизменительные категории (§§ 158–159)	207
Категория репрезентации и основные типы неличных форм (§§ 160–167)	211
Личные формы (§§ 168–222)	219
Первичные синтетические личные формы (§§ 168–169)	219
Вторичные синтетические личные формы (§§ 170–178)	221
Первичные аналитические личные формы (§§ 179–192)	235
Вторичные аналитические личные формы (§§ 193–200)	255
Структура личных глагольных форм (§§ 201–202)	260
Система личных форм глагола в новых индоарийских языках (§§ 203–214)	267
Категориальная интерпретация системы глагольных форм (§§ 215–222)	281
Отрицание в его отношении к морфологии глагола (§ 223)	292
Согласовательные категории глагола (§§ 224–228)	295
Заключение	
Основания морфологической типологии новых индоарийских языков (§§ 229–234)	300
Список использованной литературы	323
Библиографические сокращения	332
Указатель лексико-грамматический	334
Указатель языков и диалектов	351
Принятые сокращения и символы	355
Summary	356

Георгий Александрович Зограф

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТРОЙ
НОВЫХ ИНДОАРИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор Л.М. Белоусов. Художник А.Г. Кобрин. Художественный редактор Э.Л. Эрман
Технический редактор Т.В. Клубникова. Корректор Г.А. Дейтина

Сдано в набор 22/VII-1975 г. Подписано к печати 12/XI-1975 г. А-12799
Формат 60x90 1/16. Бум. № 1. Печ. л. 23. Уч.-изд. л. 23,95. Тираж 1500 экз. Изд. № 3786
Зак. № 436. Цена 2 руб. 63 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Офсетное производство типографии № 3 издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2